

ЛАРИСА РАЙТ

Алла Нить

Лариса Райт

Алая нить

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573034

Алая нить : роман: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59471-9

Аннотация

Алое на белом – закатное солнце на раскаленном песке арены, где проходила коррида. Алое на белом – кровь на хирургической простыне. Алое на белом – буквица на состаренном листе бумаги.

Три женщины – матадор, хирург и каллиграф – казалось бы, так не похожи друг на друга, но судьба не зря свела их вместе, накрепко обвязав алой нитью...

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	7
3	13
4	19
5	28
6	40
7	59
8	77
9	92
10	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Лариса Райт

Алая нить

*Выбрав дорогу, чтобы убежать от судьбы,
именно там ее и встречаешь...*

Китайская мудрость

*В области, лежащей еще дальше к северу от
земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть,
и туда невозможно проникнуть из-за летающих
перьев. И действительно, земля и воздух там полны
перьев, а это-то и мешает зрению.*

Геродот

Часть 1

Перемены

1

За последние несколько дней это слово стало излюбленным у всех мексиканцев. «Аномалия» – неслось из радиоприемников, «аномалия» – возбужденно жестикулировали журналисты, «аномалия» – кричали газетчики, «аномалия» –

лия» – ворчали продавцы чичаронов¹, «аномалия» – сетовали говорливые мамыши, спеша увести домой изумленных детишек, «аномалия» – ругались водители грузовиков...

Лола смотрит, как аномалия пушистыми комочками оседает на листья гванабано. Лоле тридцать пять, и это первый снег в ее жизни. Она ловит мягкие хлопья, разглядывает причудливые узоры на мокрой ладонке и искренне радуется:

– Milagro!²

Женщина дует на снежинки – и они тают, сползая по тонким пальцам длинными каплями. Вновь осевшие крупинки искрятся на руке влажным светом, у Лолы перехватывает дыхание. Сходство так очевидно! Маленькие лучистые звездочки блестят огнем, которым наполнены глаза благородного тореро. Ветер вихрем кружит белые песчинки, превращая неторопливый снегопад в безумный пасодобль. Колкие бандериллы обрушиваются на Лолу тысячной армией и стекают по щекам лохмотьями растерзанной тряпки тореро.

Лола смотрит на поседевшие крыши двухэтажной Мери-ды, на пустеющий Пасео де Монтехо, на суетливых тровадоров, торопливо зачехляющих свои гитары.

«Истинные юкатанцы», – усмехается она и, не удержавшись, произносит вслух:

¹ Кусочки жареной свиной шкурки, скрученной в рулет. Чичароны настолько популярны в Мексике, что их продают в магазинах, как чипсы.

² Чудо (исп.).

– Нити Нати Катан!³

«Подождите! Не бегите! Остановитесь! Взгляните на аномалию! Уже через мгновение она подчеркнет все детали вашего города, по-новому обрисует контуры алькасара, наполнит дома ярким светом, сделает сказочными пейзажи Парка Столетия».

Лола любит непогоду и видит перед собой только одну непреодолимую снежную силу – силу природной красоты. Лола не задумывается, что есть и другая сила.

Лола жила в Испании. Лола была матадором. Лола видела силу быка. Лола чувствовала на себе его тяжесть. Но Лола не знала ничего о силе тяжести снега. Той мощи, что, подобно пороховому заряду, заискрив от гула вертолета, порыва ветра, падения камня или человеческого шага, за доли секунды пронзает шипящими трещинами осевший пласт снежной доски и заставляет тяжеленные плиты на мгновение застыть в реверансе, а затем устремиться вниз в бешеном вихре смерти.

³ Я вас не понимаю (*язык древних майя*) – так отвечали местные индейцы испанским конкистадорам. От этой фразы и произошло название полуострова Юкатан.

– Жизни нет, мама! Просто больше нет жизни!

Катарина отстраняется от матери и отворачивается. Она больше не сможет переварить ни грамма, ни крупинки, ни звука сочувствия. Еще миллиметр жалости, еще одна щепотка утешения – и она не выдержит. А главное, слова, которыми выстреливают в нее последние два дня все посвященные, как ни странно, не приносят абсолютно никакого облегчения.

«Горькая правда лучше, чем сладкая ложь». За пятнадцать лет Катарина сама столько раз повторяла это детям и Антонио. Неудивительно, что он предпочел поступить именно так: открыто и честно, глядя в глаза, прямо и откровенно. Жестоко! Мучительно! Бесчеловечно! Как же он сказал? Сначала она все время бубнила его слова. Не потому, что хотела запомнить, а потому что не могла забыть. И вот, пожалуйста: воспаленная память не выдержала, жаждет избавиться от смердящего мусора. Катарине кажется, что она насквозь пропиталась омерзительной вонью предательства, от которой никогда уже не сможет отмыться. Она пытается поскрести в голове невидимой мочалкой, но намыленные предложения выскальзывают из облаков пены и снова выстраиваются в стройные ряды текста, разрубившего ее жизнь на до и после.

«Не хочу тебя обманывать. Я встретил другую. Я ухожу». И, кажется, еще «извини» в конце. Этого она точно не помнит. Может, было и еще что-нибудь, просто больше Катарина ничего не слышала. Она не успела ничего – ни протянуть руки, ни издать звук – как осталась наедине с полупустым шкафом и нескончаемым списком «а как же», «почему» и «зачем».

«А как же вчерашний ужин? Почему ты так обрадовался своим любимым спагетти и зачем зажигал свечи? А как же все, что было потом? Зачем? Это было прощальное танго? Но почему? А как же прием в честь твоего нового проекта, на который ты собирался вести меня в четверг? Зачем подарил специально для этого новое платье? А как же отпуск, в который мы хотели выбраться на годовщину? Почему ты завалил весь столик в гостиной проспектами туристических бюро и зачем рассказывал, что Бали лучше Гоа, если даже не думал лететь туда, во всяком случае со мной? А как же твой приятель? Зачем ты приглашал его к нам через пару недель, если знал, что тебя здесь не будет? А как же твоя строгая итальянская мама, которую ты вспоминал всякий раз, когда я хотела позвать на день рождения кого-то из коллег-мужчин? Зачем ты говорил: «Мама приехала, она не поймет дружбы между мужчиной и женщиной?» Ах да. Я и забыла. С этой, не знаю, как ее там, ты не дружишь. Мама поймет. А как же математика Фреда? Ты же занимаешься с ним каждый вечер. Я ничего не понимаю в формулах. А как же Анита? Ты ее

купаешь по воскресеньям. Я пыталась пару раз, но, ты же знаешь, она кричит, что мама все делает не так. А как же новый телевизор с плоским экраном? Мы ведь хотели наконец выбрать его в выходные. Зачем ты освободил место и всем хвастался, что очень скоро у тебя будет домашний кинотеатр? Хотя, может, он и будет... У тебя. А как же Барни? Мне не по силам удержать его, если во время прогулки пес захочет порезвиться на соседском газоне. Так как же вчерашняя ночь? А все пятнадцать лет, Антонио? А как же я? Почему ты разлюбил меня? Зачем ушел? А как же я буду жить без тебя? Почему? Зачем?»

– Мама! Гляди!

Катарина смотрит в окно и машет рукой сыну, выдавливая улыбку. Фред повалил Барни на снег и катается по полю в обнимку с лабрадором. Катарина подходит к двери, снимает с крючка ключи от машины, кивает матери:

– Поеду за Анитой. Посмотри за ним.

Ее миниатюрный «Поло» чихает, но заводится. Антонио собирался отвезти его в ремонт. Теперь придется самой, а она даже не помнит, где эта чертова мастерская. Машинами всегда занимался муж. Он вообще много чем занимался: разжигал камин и выбирал вино к ужину, знал, когда пришло время вычистить канализацию или поменять черепицу на крыше, брал и гасил кредиты, поил Аниту микстурой от температуры, летом стриг зеленый газон, а зимой расчищал его от сугробов. А еще он любил Катарину. Целую веч-

ность. Или меньше? Когда все изменилось? Позавчера? Месяц назад? Год? Или их брак был обречен с самого начала, когда Антонио рванул за ней из Генуи в Инсбрук, оставив не самую плохую работу, практически подписанный брачный контракт и бьющихся в истерике родителей. Помнится, тогда счастье Катарины не могли омрачить даже невольные мысли о брошенной итальянке. «Я ее даже не знаю и ни в чем не виновата», – так она говорила себе. Что же, теперь то же самое может сказать и его новая избранница. А дети? Что дети? Она же их даже не знает. Родит ему других. Интересно, она моложе? Наверняка! Зачем менять одну сорокапятилетнюю тетку на другую, если первая кормит, обстирывает, обглаживает и не брюзжит при этом? Нет смысла. А вот взять вместо потускневшей, потертой, утратившей былой лоск и ходовые качества лошадки новую, усовершенствованную, с округлым бампером и сияющими фарами – это по-мужски. Разве можно удержаться от искушения заглянуть под такой капот, если то, как заводится и работает старый, ты уже выучил наизусть?»

Катарина сидит в машине возле детского сада и разглядывает себя в зеркало. Вид, конечно, не блестящий: под глазами уже заметные мешки, блеклые губы, выцветшие ресницы, носогубные складки... Ну, в общем, складки они и есть складки. Конечно, если накраситься или сделать ботокс, то она еще о-го-го, но все же, как ни старайся, в сорок пять ты не будешь выглядеть на двадцать. А она старалась, даже

очень старалась. И что теперь? Может, подать иск на всех производителей косметики разом? Не помогают, ребята, ваши лифтинги с пилингами. Жизнь рушится независимо от количества скляночек на твоём туалетном столике. Даже Антонио потешался над бесконечными тюбиками с антицеллюлитными кремами, увлажняющими маслами и вонючими скрабами, а она доказывала, что в обществе, где так нетерпимо относятся к женскому старению, у нее просто нет другого выхода, как пустить килограммы «чудодейственных» средств на праведную борьбу с морщинами.

– Ты в самом деле считаешь, что все это помогает? – спрашивал муж, скептически наблюдая за священным ритуалом намазываний и втираний.

– Конечно, я же врач!

Иногда она все же пыталась заговорить о пластике. Ничего такого серьезного – коррекция глаз, подтяжка бюста. Но тут возмущался Антонио:

– Как ты можешь! Ты же врач!

Катарина с отвращением захлопывает зеркало и говорит, напряженно глядя в лобовое стекло:

– Врач... Как давно это было.

– Мама!

Анита обиженно дергает снаружи ручку машины. Губки надуты, в глазах слезы. Катарина не только не вышла за ней, но даже не заметила приближения ребенка.

– Прости, котик! Залезай! Пристегнись. Едем домой. Знаешь, приехала бабушка.

– Лючия? – В глазах блещут искорки. Вместе с итальянской синьорой приезжает ежедневная пицца и божественный панеттоне⁴. В доме воцаряются запахи шафрана, тмина, корицы, дети ходят довольные, а Катарина почти забывает о том, что такое плита.

– Нет. – «Только этого мне сейчас не хватало!» – Агнесса.

Анитка сдержанно кивает. Воспитание не позволяет ей выразить недовольство приездом другой бабушки, которая всегда привозит целый ворох замечаний и наставлений для внучки.

– Не кисни! – подбадривает Катарина ребенка, подбадривая на самом деле только себя.

⁴ Итальянский дрожжевой пирог.

Эту группу явно что-то отличало от остальных. И хотя Соня никогда не разбиралась в тонкостях человеческой психологии, искренняя заинтересованность посетителей не ускользнула от ее внимания. Русские, а это определенно были русские, разбрелись по залу, следуя указаниям аудиогидов. Обычные экскурсанты не задерживаются в зале надолго. Звуки «Лондонского трио» заставляют их спешить в следующий – к клавиесинам композитора. Осмотр экспозиции занимает у рядовых туристов минут пятнадцать-двадцать – столько же, если не больше, они проводят в магазине у выхода, скупая подряд футболки, брелоки, магниты с изображением Моцарта и знаменитые на весь мир конфеты. Составители текста экскурсии отвели нотам и партитурам целых десять минут, но на деле мало кто дослушивает и до третьей. Чаще ценители прекрасного опускают трубки, делают торопливый круг по комнате, скользя безразличным взглядом по черным точкам и палочкам, не задумываясь о том, что им представилась уникальная возможность – разглядеть подлинные части музыкального организма.

Соня привыкла стоять одна у лежащих под стеклом нотных альбомов. Никто не обращает на нее внимания, не мешает читать мелодии и еле слышно напевать их. Если случайный свидетель и бросает изумленный взгляд на что-то

бормочущую девушку, она этого не видит. Она вообще редко отрывает глаза от нот. Но сейчас она кожей чувствует чужое присутствие. Текст на пленке давно закончился, но ни один из десяти человек не вышел из зала. Передвигаются от одного экспоната к другому, делают второй, третий круг, косятся на Соню. «Ждут, когда я отойду», – понимает она и делает шаг в сторону, освобождая место.

– Семьдесят девятый или восьмидесятый, – уверенно говорит своему спутнику миниатюрная блондинка.

– Позже. – Мужчина вглядывается в отрывок из «Свадьбы Фигаро». – Я точно помню, что позже.

– Я не так давно защищалась.

– Это не значит, что ты помнишь лучше.

– У меня «отлично» по истории музыки!

– У меня тоже не «два».

– А я говорю, восьмидесятый.

– Позже.

– Нет.

– Да.

– Не позже! – Блондинка оттопыривает губку и слегка топает каблучком.

– Позже! – Мужчина краснеет, надувается, становится похожим на кипящий чайник. Соне уже мерещатся колечки пара, вздымающиеся из его ушей, и она не выдерживает:

– Позже.

Две пары глаз устремляются к ней; в одних – недоверие,

в других – торжество.

– Откуда вы знаете? – В голосе женщины еще больше сомнения, чем во взгляде.

– Знаю.

– И все же.

– Просто помню.

– Я тоже помню. Вы музыкант?

– Нет, но...

– А мы музыканты, так что разберемся сами.

– Наташа! – Мужчина явно огорчен нелюбезностью своей спутницы, но та уже покидает зал с видом оскорбленного достоинства. – Извините. – Он неловко улыбается Соне.

– Ничего. «Свадьба Фигаро» – после 1781-го. Это абсолютно точно.

– Спасибо.

– Не за что. Это так же верно, как то, что вы играете на трубе, а ваша... – Соня неторопливо подбирает слово, – коллега – на скрипке.

Молчаливое недоумение определенно требует объяснений от «ясновидящей».

– У вас собранная амбушюра⁵ и цепкие губы, а у дамы несколько скован подбородок, будто она что-то зажимает.

– И вы продолжаете утверждать, что вы не музыкант? – слегка кокетливо спрашивает собеседник, подтверждая правоту незнакомки.

⁵ Особое складывание губ при игре на духовом инструменте.

– Я не музыкант.

Соня теряет интерес к разговору и возвращается к своему стеклу. Трубоч удаляется на поиски скрипачки, за ним неспешно vyplывают из зала и остальные.

«Оркестранты, – думает Соня. – Кто же еще, кроме профессионалов, станет так пристально разглядывать закорючки на пожелтевшей бумаге? Кому это интересно? Пожалуй, только ей».

Ну так она и есть профессионал, каких мало. Ее задача – подмечать детали, ускользающие от взгляда простых смертных. Творческая биография Моцарта вовсе не ее конек. Только вот до переезда в Вену композитор отчего-то не ставил завитков в прописной «d», когда царапал пояснения на партитурах, а потом начал. Зачем? Почему? Неизвестно, да и неважно. Главное очевидно: хвостики у буквы появились после 1781-го. На альбомном листе перед Соней – целых три таких знака, значит, и сомнений во времени написания «Свадьбы Фигаро» быть не может.

Девушка смотрит на «Tissue» пятилетней давности. Пожалуй, на сегодня хватит. Глаза устали от напряженного разглядывания, кладовые памяти забиты диезами, бемолями и ключами. Да и музей скоро закроется. Ничего не случится, если она уйдет чуть раньше. Спешка и перенапряжение могут все испортить, так что Соня просто обязана позволить себе передышку. Она опускает руку в карман пальто и любовно поглаживает две монетки. Три евро уже несколько месяцев

кочуют из одной одежды в другую. Три евро – это настоящая роскошь, богатство и беззаботность. Три евро – это просто чашечка кофе в австрийском кафе. Три евро – это отголоски прошлой жизни. Три евро – это мечта. Соня вертит пальцами железные кругляшки и ощущает себя хозяйкой целого мира. Только она сама решает, когда сделать явью волшебный сон. Почему бы не сейчас? Она решительно выходит из музея и направляется к ближайшей забегаловке. Манящий запах кофе уже щекочет ей ноздри, язык, кажется, слизывает с губ вкусные горьковатые капельки.

Телефон звонит в ту секунду, когда ее рука уже протянута к ручке входной двери. На дисплее – знакомый номер, ответить не хочется, цель звонка очевидна. О кофе можно забыть.

- Опять? – тянет Соня в трубку упавшим голосом.
- Пожалуйста, милая, это в последний раз.
- Когда?
- Через полчаса успеешь?
- Куда?
- В Хоэнзальцбург⁶.
- Ладно.
- Спасибо. Не расстраивайся так сильно. Может, я и сорвала тебе важные планы, зато принесла в копилку сто евро.

⁶ Одна из достопримечательностей Зальцбурга – крепость, возвышающаяся над городом. Построена в 1077 году. Одна из лучших крепостей в Европе, сохранившихся до наших дней.

– Сто три, – мрачно констатирует Соня.

Теперь она располагает лишними десятью минутами. От дома-музея Моцарта на Макартплатц до фуникулера, у которого ее будет ждать группа туристов – не дольше двадцати минут пешком. Но пить кофе в спешке не хочется. Исполнение мечты опять откладывается. Соня останавливается на мосту. Зальцах, в отличие от девушки, торопится, суетится, гонит течением чаек. Река с характером. Здесь на равнине она уже не так строптива, как у своих истоков на горных склонах, но все такая же яркая, неоднозначная. Река похожа и не похожа на Соню. Состоит из двух ледниковых ручейков, но никогда не замерзает, а Соня каждой клеточкой чувствует невидимую холодную ровную корку, сковавшую ее плоть. В горной части Зальцаха – четыре водопада с замысловатыми названиями, Соня пока открыла в себе только два – ненависти и отчаяния, в наименовании которых нет ничего непонятного. В черте города река широкая, судоходная. Соня – узкая, каменистая, непроходимая. «Зальц» в переводе с немецкого «соль». Важная вещь, очень ценная. Уж сколько классиков доказывали незаменимость этой специи. Сонино имя означает «мудрость», качество тоже небесполезное. Да только кто сказал, что мудрецам жить на свете проще?

«Сложнее, это гораздо сложнее». Лола замуривается от страха, и ее тут же настигает рассерженный окрик Хосе:

– Сколько можно, Лола! В чем дело?!

Темные испуганные глаза широко распахиваются, она напряженно смотрит в мигающее красным огнем око камеры. Лола сокрушенно мотает головой и отводит взгляд, чуть слышно спрашивает:

– Я боюсь?

– Похоже на то. – Хосе старательно меняет гнев на милость, но от женщины не ускользает напряжение в его голосе.

Лола еще раз замуривается, встряхивает иссиня-черным длинным хвостом и с вызовом заявляет:

– Я боюсь!

– Dios mío!⁷ Это просто смешно!

– Не вижу ничего смешного!

– Долорес Ривера боится!

– Да! Ну и что?

– Держите меня! Женщина, заколовшая кучу не самых хилых быков, страшится наступающего объектива.

– Не вижу связи. – Лола грубо обрывает оператора, но тот и не думает отступать.

⁷ Бог мой! (исп.).

– Да ты храбрее льва, *mijer!*⁸ Что за рассказы?

Вместо ответа Лола шуршит лежащими перед ней бумажками с новостными подводками, перекладывает листочки с места на место и всем своим видом показывает, что разговор окончен.

– Это тупик, Лола! – Хосе растерянно пытается подобраться с другой стороны.

Женщина равнодушно пожимает плечами.

– Ты собираешься покинуть поле боя без битвы?

Молчание. Нашел чем испугать. Страшно только в первый раз. Из одного цирка она уже сбежала. Почему бы не сбежать из другого?

– Слушай, Долорес, твои фотографии развешаны по всей Мериде, три раза в день идут анонсы. Все жаждут увидеть тебя на экране. Что ты собираешься сказать зрителям?

– «Извините».

– Что «извините»? Зачем мне твои извинения? – снова вскипает Хосе.

– Я предлагаю сказать зрителям «извините».

– Сумасшедшая! Ты представляешь, какая неустойка тебя ждет?!

– Ничего. У меня хватит на покрытие, – Лола говорит надменно, с нескрываемой гордостью. Отодвигает стул, поднимается, демонстрируя окончательное решение уйти.

На оливковых скулах оператора перекатываются гневные

⁸ Женщина (эмоциональное выражение, *исп.*).

желваки. «И что о себе возомнила эта торрерочка? Тоже мне подарок! Подумаешь, побеждала быков. Ничего удивительного – она упрямее любого из рогатых». Хосе рывком открывает дверь:

– Давай! Беги! Только заверни по пути к Диего. Объясни ситуацию.

«Диего! Черт! Он расстроится».

– Ладно. Попробуем еще раз.

Лола сама себя не узнает. Что это? Она становится сентиментальной? С каких пор ее заботят чувства других людей? Главный редактор информационного отдела телекомпании «Юкатан» Диего Хименес, безусловно, заслуживает хорошего отношения. Он протянул ей руку помощи, он сделал на нее ставку, а она... Она готова наплевать на все это и послать подальше и Диего, и болвана Хосе, и всех мексиканцев, считающих часы до появления в эфире прославленной Долорес Ривера.

Лола механически шевелит натянутыми губами и, не глядя на бегущие строки суфлера, выстреливает заученным до тошноты текстом:

Власти четырех северных штатов Мексики объявили вчера чрезвычайное положение в большинстве муниципалитетов в связи с холодами, обильными снегопадами и снежными бурями, которые обрушились на северо-запад и центральные районы страны в последнюю неделю декабря.

«Подумать только! Последняя неделя декабря... Значит,

Рождество уже было? Или нет? Или все-таки...» Лола краем глаза выхватывает цифры в правом нижнем углу монитора. Двадцать седьмое! Как она могла пропустить? Ах да! Вчера началась эта истерия с аномалией, и о прошедшем празднике никто не вспоминал, а до этого о нем не вспоминала Лола. Так вот почему у нее в ящике столько непрочитанных сообщений. Там пожелания всего-всего и непременно самого-самого. И мобильник позавчера верещал не переставая... Если бы она сообразила про Рождество, она бы, возможно, сняла трубку.

Синоптики отмечают минимальную температуру минус двадцать пять градусов по Цельсию в горах штатов Чиуауа, Сонора и Дуранго, при этом на равнинах, находящихся на уровне моря, по ночам столбик термометра опускается до отметки минус пятнадцать.

«Бедные мексиканские быки! Их оставили мерзнуть или лишили арены?»⁹ Вот радость для представителей IMAV¹⁰ – животные редчайшей породы не будут заколоты в честной битве, они просто сдохнут от холода, как самые обычные коровы. Или их перевезут в теплый загон, в стандартный хлев, который противопоставлен благородным торос. И что их ждет? Просто замечательное, по мнению «защитников», измене-

⁹ Как правило, быки, выращиваемые для корриды, лишены близкого контакта с человеком. Считается, что привыкшее к людям животное не сможет достаточно разъяриться во время схватки.

¹⁰ International Movement Against Bullfights (англ.) – международное движение против корриды.

ние в судьбе – бойня вместо боя. Исход, конечно, один. Да только вот в первом случае быку не светят ни фанфары, ни аплодисменты».

Власти настоятельно рекомендуют гражданам надевать теплую одежду, не забывать о шапках, шарфах и перчатках, накрываться дополнительными одеялами по ночам и спать одетыми в свитера и куртки. Кроме того, в предстоящие несколько дней следует включить в рацион жирную и сладкую пищу, богатую калориями, которые быстро расходуются человеческим организмом при низких температурах.

Что же, похоже, ее участь так же печальна, как будущее узников ганадерий¹¹. Лайковые перчатки без подкладки и осеннее полупальто – весь арсенал теплых вещей, а холодильник забит замороженными овощами. И желающих подвезти ей трактор питательной, сладкой, свежескошенной травы пока что-то не наблюдается.

Жителям горных районов северных штатов следует отнестись к советам медиков с особым вниманием. Температуры в этих регионах будут достигать рекордно низких отметок еще несколько суток. Так, в поисках тепла с гор Чичуауа уже спустились на равнины даже непритязательные и выносливые тараумара.

«О! Если не покупать шапку, можно причислить себя к храбрым нетребовательным индейцам».

¹¹ Фермы, где выращиваются быки для корриды.

– Чему ты улыбаешься? – Хосе устало выглядывает из-за камеры. – В стране холод, а у тебя рот до ушей.

– А плакать нельзя, – огрызается Лола. – Слезы замерзнут, превратятся в сосульки, обморозят щеки и...

– Уймись! Читала ты хорошо, только слишком отстраненно. Говорящие головы в прошлом, Лола. Диктор – это журналист. Он пишет подводки, смотрит репортажи, изучает сюжеты. Он в теме. А ты где? – Оператор включает стоящего на треноге телевизионного монстра и машет рукой. Тут же за стеклом в аппаратной зажигаются десятки экранов с изображением девушки.

– Я в кадре.

– Ты у меня в печенках. Все. Записываем.

– Куда ты?

Хосе смотрит на Лолу, как на безмозглую курицу.

– Туда, – машет рукой в сторону аппаратной.

– Зачем?

– Пойду, пообедаю, выпью бутылочку агавы, – язвительно. – Наблюдать твои экзерсисы. Зачем еще?

– Ты собираешься оставить меня здесь одну?

– Господи! Ты меня достала! Где ты видела сейчас, чтобы в информационной студии сидел оператор? Диктор и техника – все. Полная автоматика. Ну откуда ты взялась такая?

– Явилась с Лас-Вентас¹², – усмехается Лола.

– И что? Ты там вокруг быка с ансамблем плясала?

¹² Арена для корриды в Мадриде.

– Представь себе. Если бы к быку сразу выходил матадор, я бы здесь не сидела, – взвивается девушка. – Валялась бы на Фуенкарраль или на Английском¹³. Пара минут бездумной схватки – и табличка с именем Долорес Ривера украсила бы аллею перед ареной. Может, даже и профиль отлили бы, не поскупились!

– Ладно. Не горячись!

Но Лола не может успокоиться:

– И это говорит мексиканец! Без пикадоров, бандерильеро, помощников, рабочих арены неопит¹⁴ назывался бы просто кадавер¹⁵. И кто из нас дикий?

– Послушай, здесь та же работа слаженной команды: редакторы, монтажеры, операторы, гримеры, режиссеры. Диктор без них никто. Но это не значит, что он не может остаться в эфирной наедине с телесуфлером.

– И с этой штукой, – Лола кивает на камеру.

– Вот что я скажу вам, прославленная сеньорита Ривера: в отличие от ваших подопечных «Бетакам» не кусается. Он хорошо воспитан. И подушками, кстати, вас здесь тоже не закидают¹⁶. Давай, девочка, соберись. – Последние слова Хосе произносит уже в коридоре.

¹³ Кладбища Мадрида.

¹⁴ Неопытный матадор.

¹⁵ Труп (*исп.*).

¹⁶ Во время корриды невоспитанная публика имеет обыкновение закидывать неопытного и неискusного, по их мнению, тореадора подушками, на которых сидит.

Лола напряженно всматривается в россыпь своих изображений на экранах соседней комнаты. Ей кажется, что даже толстый слой тонального крема, сковавший лицевые мышцы, не может скрыть бисеринок пота, которые выступили над верхней губой. Левый лацкан пиджака немного топорщится, а иначе просто и быть не может: бьющееся в лихорадке сердце стучит прямо по плотной ткани. Застывшие в запредельном ужасе глаза выхватывают редактора. Он стучит в стекло и отчаянно жестикулирует Лоле, показывая на стол. Лола опускает взгляд, хватая скрученный провод, вставляет наушник, и в ее голове голосом режиссера тут же начинают неумолимо убегать последние спасительные секунды.

– Десять.

«Я справлюсь. Я смогу».

– Девять.

«Я не справлюсь. Я не смогу».

– Восемь.

«Я должна».

– Семь.

«Я ничего никому не должна».

– Шесть.

«Сейчас я разлеплю склеенные губы».

Лола берет заранее поставленный на стол стакан с минеральной водой и делает несколько жадных глотков.

– Пять.

«Только бы не дрожал голос».

– Четыре.

«Все хорошо. Я спокойна. Я не волнуюсь».

– Три.

«Просто прочитаю еще раз знакомый текст, и все».

– Два.

«Боже, сейчас это чудовище заработает!»

– Один.

«Я... Я должна что-то сделать...»

– Мотор.

Лола выдергивает проводок из уха. Стул летит в одну сторону, бумажки с подводками – в другую. Брызги воды из разбившегося стакана расползаются мокрыми кляксами по строчкам суфлера. Микрофон растерянной петлей взвивается вверх, оставив себе на память кусочек белой блузки. Десять человек за стеклом в молчаливом оцепенении наблюдают за поспешным бегством той, что должна была вернуть популярность местному телеканалу. О недавнем присутствии в студии Долорес Риверы напоминает лишь возмущенно дрожащая дверь.

Окно операционной запотело. Любопытные студенты, отталкивая друг друга, не упускают возможности получить бесплатный мастер-класс. Доктор Катарина Тоцци выполняет свою пятидесятую аппендэктомию. Вот она производит небольшой разрез брюшной стенки – шесть сантиметров, ни больше ни меньше – в верхней подвздошной области. Вот выводит в рану слепую кишку, а вслед за ней – червеобразный отросток, вот перевязывает рассасывающейся нитью основание аппендикса и питающую его брыжейку. Вот отсекает отросток, обрабатывает антисептиком культю, накладывает кисетный шов, осушает тампонами брюшную полость от воспалительного выпота. Ассистент промокает хирургу лоб бумажной салфеткой. Доктор Тоцци отходит от пациента, оборачивается. Даже марлевая повязка не может скрыть ее улыбки.

Катарина нажимает на «стоп». Запись была сделана семь лет назад. Теперь все еще проще. Вместо рук врача – эндохирургический сшивающий аппарат. Несколько минут – и у человека в животе три ряда миниатюрных титановых скобок, герметичные швы, хороший гемостаз и никакого воспалившегося отростка.

У Катарины много подобных пленок, но Антонио любил именно эту. Часто демонстрировал ее друзьям, не обращая

внимания на протесты, и постоянно повторял: «Вы только посмотрите, как просто, легко и быстро. Разрезал, перевязал, отсек – и все дела. Катарина – просто ас».

«Да уж, Антонио. Ты столько раз смотрел этот материал, что и сам мог бы стать блестящим профессионалом. Что ж, с главной задачей хирурга ты действительно справился на ура. Удалил меня, как аппендикс, «просто, легко и быстро». Но только в операционной все гораздо сложнее. Разве ты не слышал об анестезии? Несколько ободряющих слов, тень сожаления, гримаса стыда могли бы стать хоть какой-нибудь, пусть даже самой слабой, поддержкой. Но нет, ты предпочел резать по живому, не заботясь о состоянии пациента. Ты столько лет прожил бок о бок с врачом и ничего не знаешь о болевом шоке? Или твое прощальное «извини» должно было стать тем самым эфиром, притупляющим чувства? А может, ты использовал это слово вместо нитки с иглой, думал залатать им рану? Но ты забыл, что швы иногда гноятся и кровоточат, ты не нашел для меня титановых скоб, не оставляющих рубцов, ты...»

– Хватит, Катарина! – Мать решительно забирает у нее пульт от DVD. – Сколько можно это смотреть?

– Последний раз, мама! – Катарина не дает выключить телевизор. – Последний раз.

Женщина вновь погружается в стерильную тишину операционной, но все же слышит телефонные жалобы матери кому-то сочувствующему:

– Я бы поняла, если бы она без конца смотрела свадьбу или семейные хроники, или листала бы альбомы с фотографиями. Так нет. Она уже третий час крутит пленку с одной и той же операцией. Просто не знаю, что делать!

«Делать? Теперь уже поздно что-то делать. Правда, Антонио? Делать надо было раньше. А когда раньше? Когда я стала тебе чужой? Когда все изменилось? Может, это из-за Аниты? Ты ведь не очень обрадовался ее появлению. Тебе было хорошо так, как было. Ты, я и Фред. Ты так радовался, что мальчик наконец-то подрос и жизнь вошла в свою колею! Мы могли ходить в рестораны, засиживаться допоздна в гостях и даже заглядывать, как раньше, на дискотеки. «Он такой умный, этот мальчишка, – с гордостью сообщал ты друзьям, – всего пять, а сам включает Cartoon Network, и мы можем спать сколько влезет». Да, с Фредом стало легко. И это тебе очень нравилось.

Ты никогда не любил сложностей, ты избегал их. Тебе было проще поменять работу, чем регулировать непростую ситуацию. Чем дальше я узнавала тебя, тем больше крепла во мне уверенность в твоей любви, Антонио. Ведь ради меня ты поменял страну – наверняка это было непросто. Возможно, именно этот шаг тебя и подкосил. Теперь тебе нужна была легкость во всем. Тебе не хотелось новых кредитов, переезда, ремонта, чеков из магазина для беременных, синяков под глазами и разговоров о растяжках. Тебя не интересова-

ли новые модели Peg Perego¹⁷. К чему? Они же не электрические, не ловят радиоволны и не сигналият на поворотах. То ли дело ваши с Фредом игрушки: катер с моторчиком, авто-ралли и целый железнодорожный мир с новеньким сверкающим ICE¹⁸. Придется все это разложить по коробкам, чтобы найти место для кровати, пеленального столика и манежа. «Младенцы занимают всю квартиру. Не успеешь оглянуться, как в гостиной окажется игровой коврик, на кухне – стерилизатор, а в спальню обязательно проложат путь погремушки и парочка зубопрорезывателей. Хочешь, чтобы было иначе? Покупай дом». Именно так говорил ты агенту по недвижимости, расписываясь на договоре. Риелтор улыбался, я тоже. Он думал, ты шутишь. Я знала, ты серьезен, как никогда. У тебя имелись тысячи аргументов за то, чтобы оставить все как есть. У меня только два – «хочу» и «собака». Последний оказался решающим. И если лабрадор мог появиться в доме лишь в придачу к маленькому пищащему свертку, у тебя не оказалось возражений.

Конечно, я переживала, Антонио. Мне хотелось совместных мечтаний, мне хотелось, чтобы ты попросил меня о еще одном подарке, чтобы наши желания совпадали. Мне хотелось... Но надо было действовать. Хотеть я могла еще недолго: пять лет, семь, а может, и несколько месяцев. В сорок лет уже нельзя медлить. И я решилась. Я верила, все будет

¹⁷ Фирма-производитель детских колясок.

¹⁸ Железнодорожные поезда, курсирующие по дорогам Германии и Австрии.

так, как должно быть согласно моим представлениям, лишь только намек на сверток поселится в моем животе.

И я не ошиблась. Во всем мире не было мужчины, который ждал бы ребенка больше, чем ты. А как виртуозно ты жестикулировал в кабинете у фрау Гюнтер и требовал отстранить меня от работы или, по крайней мере, разрешить оперировать сидя! Кричал про боли в пояснице, кислородное голодание и отеки. Я стояла за твоей спиной и давилась от хохота. Срок был четыре недели, и все, что могло мне потребоваться в операционной, – пластмассовый тазик в случае тошноты. Ты был единственным папочкой, посетившим все занятия в школе будущих родителей, знал, как ходить, как лежать, как дышать. Тебя не пугали словосочетания «слизистая пробка», «тазовое предлежание» или «раскрытие шейки». Производители пустышек должны поместить твою фотографию на своих сайтах и предоставить скидки. Ты скупил весь ассортимент сосок: красные и синие, с колечками и прищепками, с узкими и широкими отверстиями, латексные и силиконовые, с зайчиками и паровозиками, желтоватые и бесцветные, ортодонтические и простые... Ты засиживался на форумах и обсуждал преимущества грудного вскармливания, ты забросал гостиную каталогами детского питания и заполонил холодильник баночками Semper и Hipp. Именно из-за тебя мне так сложно стало готовить: под руку все время попадались припасенные тобой ершики, щипчики, крышечки и еще целая куча приспособ-

лений для кормления малыша, который еще только начинал расти внутри меня.

А как ты обрадовался, когда узнал, что будет девочка! Я даже не ожидала. Понесся в магазин и притащил заколочки и куклу Барби. Я смеялась до колик в животе. А ты обиделся. И потом, когда на последнем УЗИ сказали, что у малышки видны волосики, ты так гордо посмотрел на меня и задрал нос до самого потолка.

Ты был таким внимательным, Антонио. Ты массировал мне опухшие ноги и ходил за мороженым среди ночи. Ты был таким заботливым. Звонил мне каждый час, встречал после работы, купал Фреда, готовил ужины. Ты даже умудрился сдержать обещание по поводу собаки. Я понятия не имела, где лежит корм и мешочки, с которыми надо три раза в день сопровождать Барни на прогулку. Да-да, ты тратил обеденный перерыв на лабрадора и был совершенно счастлив. Ты был таким ласковым: шептал мне всякие глупости и пел колыбельные сначала плоскому, а потом огромному животу. Ты заказал учебник по азбуке Морзе и выстукивал Аните незатейливые фразы. Ты был таким ранимым, Антонио. Лопнувшие почки вызывали у тебя умильную улыбку, а сопящие в колясках малыши – слезы на глазах. У тебя пропало желание смотреть новости, ты переключал каналы с любимой некогда хроники происшествий, ты не выносил даже одного вида жестокости и насилия. Ты был таким... Ты был таким... Ты был беременным.

Нет, если Анита и изменила нашу жизнь, то явно не в худшую сторону. Ты наверняка сумел достучаться до дочки еще до того, как она появилась на свет. Не знаю, бывают ли дети спокойнее и неприхотливее, чем наша малышка. Похоже, тебе удалось настроить ее на нужную тебе волну: есть по часам, спать ночами и не пиццать по пустякам. Это теперь она капризничает по каждому поводу, но что поделаешь – видимо, кризис пятилетнего возраста. Могла ли Анита отдалить меня от тебя? Может быть, только тем, что любила и любит тебя больше, чем меня. Даже «папа» она сказала на несколько дней раньше, чем «мама». Папа – главный человек в ее жизни. Папе она доверяет свои секреты, с папой она любит гулять. Папа запускает воздушного змея, катает на самокате и строит шалаш. А мама только нудит «почисти зубы» или «надень тапки». Папа готовит вкусные торты и покупает чипсы, водит в рестораны и любимый «Макдоналдс», а мама варит супы, заставляет есть кашу и пугает больным животом. Папа забирает из детского сада и везет в магазин за новой игрушкой, а мама всегда спешит домой проверять у брата уроки. Папа строит смешные рожи и разрешает брэнчать на гитаре, мама не терпит кривляний и не подпускает к инструменту. Конечно, для Аниты ты царь и бог, Антонио. Ты первый, ты лучший. У меня – роль второго плана, и вряд ли я когда-нибудь удостоюсь «Оскара» за ее исполнение. Но разве я когда-нибудь ревновала? Я так радовалась вашей близости, я гордилась тобой. Я прожужжала уши всем знакомым

рассказами, как наша дочка обожает отца. А ты... Как ты мог оставить ее, Антонио? Зачем? Почему?»

– С кем ты разговариваешь?

Мать заглядывает в комнату. Телевизор моргает черно-белой рябью и шипит, но Катарина даже не смотрит в экран.

– Ну хватит! – Фрау Агнесса решительно выключает технику. – Ляг, поспи. Ты так совсем с ума сойдешь.

– Принеси мне, пожалуйста, снотворное.

Мать с подозрением смотрит на Катарину.

– Я не собираюсь травиться. Просто действительно надо отдохнуть.

– Хорошо. Ты поспишь. А потом встанешь и что-нибудь съешь.

– Ладно, съем. Что-нибудь.

Телефонная трубка в руке фрау Агнессы издает жалобные трели.

– Алло. – Мать презрительно морщится и протягивает аппарат Катарине с такой брезгливостью, будто в руках у нее склизкий червяк. – Это отец твоих детей.

Катарина прикрывает рукой телефон:

– К чему этот драматизм, мама?

Мать поджимает губы и продолжает выжидающе стоять над дочерью, Катарина вопросительно смотрит на нее и молчит. Она не собирается разговаривать с мужем при свидетелях. Фрау Агнесса отворачивается и, демонстрируя идеально прямую спину, необычайно, а главное, незаслуженно оби-

женно выходит из гостиной, нарочно сдвинув створки дверей.

Катарина собирает остатки мужества и пытается вспомнить, как звучал ее голос несколько дней назад.

– Я слушаю. – Да, именно так. Легко, непринужденно, без тени расстройства.

– Привет.

– Привет. – Похоже, ему тоже нелегко.

– Как дела?

«Он что – идиот?» Катарина сглатывает комок и даже улыбается, чтобы ответить:

– Спасибо, хорошо.

– Понятно.

– Послушай, я хотел бы заехать в воскресенье...

– Да, это было бы неплохо...

– ...Взять детей... Все-таки надо поговорить... Сходить с ними куда-нибудь... Обсудить ситуацию... Чтобы не маячить у тебя перед глазами... Может быть, все еще... Пусть выйдут к дороге часам к двенадцати. Мы будем ждать их там.

«О! Он не собирается ни видаться с ней, ни тем более разговаривать. И что значит «мы»? Как это понимать? Брось, Катарина, ты прекрасно знаешь, что это значит и как это следует понимать. Детей не брошу, а ты свободна. Ты не нужна. Ты лишняя. Ты чужая. «Мы» – это больше не мы с тобой, «мы» – это я и она».

– Да. Да, конечно, как скажешь.

– Так мы договорились?

– Ага. – Катарина хлюпает носом и тут же сжимает зубы.

– Хорошо.

– Как там Барни?

– Скучает.

– Может, мне забрать его?

– Дети расстроятся.

– Да. Ты права.

– Твоя мама приехала?

«Что за дурацкий вопрос! Ты же слышал!»

– Да.

– Сейчас зима. – Она обычно приезжает весной, когда расцветают рододендроны.

– Угу.

– Надолго приехала?

«О! Не знаю, Антонио! Может, навсегда. Может, завтра меня увезут в психушку, и я останусь там до конца жизни, а кому-то надо приглядывать за детьми. Извини, но кандидатура твоей избранницы на роль возможной воспитательницы не рассматривалась. Я бы даже на собеседование ее приглашать не стала. Чему она может научить Аниту? Тому, как морочить головы женатым мужчинам?»

– Пока поживет.

– Понятно.

– Ты что-то говорила о встрече или мне показалось?

– Да. Знаешь, я бы хотела...

– Как-нибудь в другой раз, ладно?

– Угу.

– Послушай, я вот что еще хотел сказать...

– Да? – С надеждой.

– По поводу денег. Я имею в виду наш счет. Я не собираюсь его закрывать.

– Хочешь, чтобы я это сделала? Но ведь счет общий, его нельзя закрыть одному.

«Как ни крути, дорогой, в мире столько бюрократии, что встретиться нам все же придется. Это развестись можно с помощью адвокатов. Хотя ты и в банк можешь прислать доверенное лицо, если я тебе настолько опротивела и от одного моего вида тебя тошнит».

– Да нет. Ты не поняла. Я по-прежнему буду пополнять его. Конечно, такую сумму, как раньше, я класть не смогу. Но я думал, тысячи две – две с половиной вам хватит? Да, и кредит за дом я буду продолжать выплачивать, не волнуйся.

– Я не волнуюсь.

«Он собирается содержать нас. Как благородно. Хотя почему, собственно, благородно? Нормально. Он же взял на себя эти обязательства. Все правильно. Взялся за гуж...»

– Так что? Идет?

Катарина собирается с духом:

– Нет, не идет.

– Почему, Ка... Почему?

«Надо же! Ему тоже сложно произносить мое имя».

– Спасибо, конечно. Но мне ничего не надо.

– Не тебе. Детям.

– Детям хватит и меньшей суммы.

– Да? И на что же ты собираешься их кормить? Катарина?

«О! Вот это да! И какое требовательное «Катарина». Ми-

нутку, мистер судья, уже иду».

– Пойду работать.

– Куда? Так куда же? – немного насмешливо.

– Пока не знаю, – нехотя и вяло.

– Не знаешь! – торжествующе.

«Наверняка он хотел сказать «вот видишь», просто сдержался».

– Куда-нибудь пойду. – Она не может скрыть раздражения.

– Может, вернешься в больницу? – Весь сарказм, на какой способен Антонио, – в одном предложении.

Катарина взрывается. Швыряет трубку и громко, отчаянно плачет.

Смеется Соня редко, но туристы, недоверчиво разглядывающие фуникулер, всегда вызывают у нее улыбку.

– Рабы своего страха могут прогуляться самостоятельно. Подъем займет у вас минут тридцать, и к началу экскурсии вы не успеете. Конечно, можно и вовсе не ходить в крепость, полюбоваться луговым пассажем, в то время как остальные будут глазеть на камеру пыток и спускаться в подземелье.

Это фраза действует безошибочно. Кто-то нервно хихикает, кто-то крестится, но в кабину загружаются все, и электромотор, бесперебойно работающий с шестидесятых годов прошлого века, доставляет их к воротам Хоэнзальцбурга.

Соня кривит душой, когда жалуется администратору, что ей надоели экскурсии. У нее просто нет времени. У нее другая задача. Ей надо простаивать часы в музее и запоминать, запоминать, запоминать. Если бы не это, она бы никогда не ушла из бюро. Ей нравится работа гида. Попроси она при увольнении больше ее не беспокоить, никто и не стал бы звонить. Но Соня сказала: «Когда понадобится, обращайтесь». Говорила, будто делала одолжение, а сама потом ждала, когда же понадобится, и нервничала, почему же еще не понадобилась, и переживала, а вдруг не понадобится никогда. Понадобилась. Конечно, понадобилась. Разве можно найти в Зальцбурге еще одного такого же русскоязычного экскур-

совода? Соня рассказывает, как поет. И захочешь, не забудешь то, что тебе наговорила эта чернобровая девушка. Все так складно, все по полочкам: и даты назовет, и про архитектурные шедевры расскажет, да все с затейливыми историями, с легендами, где правду от вымысла не отличишь. Информация обрушивается на любопытных туристов, а жадная до фактов публика и рада. Пережевывает жизни кайзеров, аж за ушами трещит. Если бы существовал глянцевый журнал о жизни средневековой знати, Соня была бы ведущим корреспондентом, которого приглашали бы на все без исключения балы и званые трапезы. Да нет! Что там корреспондентом! Она была бы главным редактором и решала бы, кого поместить на первую полосу, кого удостоить несколькими предложениями, а кого и вовсе не стоит упоминать.

– Давайте не будем терять времени, – решительно предлагает Соня туристам, как делала уже десятки раз. – У вас будет несколько минут после экскурсии, чтобы полюбоваться видами и запечатлеть себя на фоне гор или города. Предлагаю сразу же взять штурмом Хоэр Шток и оправдать цель посещения – подняться в княжеские покои.

Безостановочно крутя головами, туристы стараются поспеть за экскурсоводом.

– Итак, мы в «Золотой комнате». Ради чего вы так спешили сюда? Может, из-за позолоченной деревянной резьбы? Почему бы и нет? Ведь это поздняя готика. Или вам снилась эта замечательная кафельная печь? Не каждый день можно

увидеть такую красочную великолепно сохранившуюся май-олику.

Соня не сводит с туристов хитрых глаз. Кто-то хихикает, кто-то непонимающе пожимает плечами, кто-то неодобительно смотрит на гида. Что она несет? Зачем еще приходят смотреть на древности?

– А! Я, кажется, догадалась, – снисходительно улыбается экскурсовод. – Вся эта суета и нетерпение – из-за колонн. Как я раньше не подумала: разве можно устоять перед этой мощью аднетского мрамора, поддерживающей свод? Нет? Я не права? Опять попала впросак.

Соня старательно морщит лоб, потом хлопает себя по нему ладошкой:

– Так мы зря здесь остановились! Надо бежать дальше к Зальцбургскому быку¹⁹. Не дай бог, вы пропустите инструмент, для которого писал сам Леопольд Моцарт²⁰.

Туристы в замешательстве разворачиваются и, возмущенно шушукаясь, направляются к выходу.

– Стойте! Куда же вы? Вам так не терпится увидеть орган? Да он висит там уже пять веков. Так что и через десять минут будет на прежнем месте, не волнуйтесь!

Соня видит, что некоторые экскурсанты уже готовы вски-

¹⁹ Один из немногих органов под открытым небом, дошедших до наших дней. Получил свое название из-за громких начальных и завершающих аккордов исполняемых на нем хоралов.

²⁰ Композитор (1719–1787), отец Вольфганга Амадея Моцарта.

петь, и решает положить конец издевательствам. Она понижает голос и заговорщицки предлагает:

– Оглянитесь вокруг. Что вы видите? Неужели только пустые комнаты в роскошном старинном убранстве? Разве не доносятся до вас шорохи, звуки, летящие сквозь столетия? Неужто не будоражат запахи прошлой жизни?

Группа замолкает, настороженно прислушивается. Некоторые, особо впечатлительные, старательно втягивают носом воздух.

– Вы чувствуете? Этакая таинственная смесь заплесневелых тайн и подернутых мраком чужих секретов. Этим ароматом пропитана здесь каждая щель. Через малюсенькие невидимые отверстия он просочился наружу. Даже толстые стены крепости не смогли уберечь от чужого любопытства того, что творилось внутри.

Теперь уже ни один человек не отрывает взгляда от Сони. Наживка заглочена. Все ждут увлекательного продолжения, которое не заставляет себя ждать.

– Но знаете ли вы, какой запах здесь сильнее всех остальных? Чем так дорожили обитатели этого замка, что отчаянно боялись потерять? Чем пахнет каждый, даже самый малюсенький камушек этой громады? Властью. Вонь власти сочится из всех углов, власть смердит, отталкивает своей беспринципностью и притягивает, как магнитом.

Чего только не придумывали в этих покоях австрийские кайзеры! Знаете, какая потеха пришла в голову самому мо-

гущественному из них, Леонхарду фон Койчаху – «строителю» этих покоев? Он не страдал от комплексов, не приказывал казнить каждого, кто кинул в него репкой. Да-да, вы не ослышались. Недовольные горожане закидывали своего правителя этим овощем, когда он гулял по городу. И что же надумал кайзер, лежа в опочивальне? Фон Койчах лишь приказал поместить изображение репы на гербе города. Не насмешка ли это над подданными, не плевков ли? Не высшая ли это вседозволенность?

– Вы так не любите власть имущих? – Молоденькая девица в спортивной вязаной шапочке и куцых джинсах смотрит на Соню с детской непосредственностью.

Гид осекается и прищуривается, усмехается:

– Это не так.

Конечно, не так! Что за чушь! Она не любит власть имущих. С чего бы ей их не любить? Не с чего. Она их ненавидит. Что верно, то верно.

– Пиши, Зырянская, не отвлекайся! – Начальник колонии недовольно прикрикивает на Соню. – Еще пятнадцать открыток, и свободна. Отправишься на свои нары. Надо ведь использовать твой талант, как думаешь? Да не хмурься. Сама подумай. В твоём деле тренировка нужна. Забудешь чистописание, что на свободе делать станешь?

– Мало, что ли, занятий? – огрызается заключенная.

Молоденькая, а спесивая – ужас. И главное, ведь действи-

тельно девка талантливая. Ну не повезло ей, с кем не бывает. А вот ему повезло: как красиво она пишет. Жаль, освободится скоро. Нечем будет высшие чины удивлять.

– Ты не дерзи. Мало, много, какая разница! А у тебя профессия в руках.

– Какая профессия?

– Ну, этого, как его, каллиграфа, во.

– Кому сейчас нужны каллиграфы?

– Всякому таланту, Зырянская, есть применение. Захочешь – найдешь. Документики поддельные завсегда нужны. А твоей рукой написанные точно от подлинника не отличишь.

– Я к вам возвращаться не собираюсь.

– Это все так говорят. – Полковник барабанит жирными пальцами по столу. – У меня к тебе, Зырянская, предложение.

Соня поднимает голову и смотрит на коменданта недобрым взглядом.

– Какое?

– Да ты не напрягайся, расслабься. Предложение характера, так сказать, интимного не носит, но тебя должно заинтересовать. Хочешь, похлопочу о досрочном?

– Мне всего год остался.

– Ну да, ну да. Год. Действительно. Что такое год, когда тебе девятнадцать. Всего лишь подождать до двадцати, так?

Соня кивает.

– Нет, не так. Это, я тебе скажу, еще триста шестьдесят пять дней в колонии. А может их стать всего девяносто. Понимаешь?

Еще один кивок.

– Прекрасно. Так похлопотать о досрочном?

– Что я должна сделать?

Толстые сосиски на секунду висают над столом, а затем опускаются с громким хлопком:

– Умная девочка!

Начальник тюрьмы поднимает с места свое необъятное пузо, протискивается за спину склонившейся над открытками девушки и начинает мерно колыхать свои тела из стороны в сторону. Щеки его раздуваются при каждом шаге, а из груди вырывается сипящий свист. Соне кажется, что она – в одной комнате с гигантским индюком, который поглощен раздумьями о том, с какого бока лучше подойти к ней и ущипнуть побольнее.

Тюремщик не торопится продолжать разговор, изучает Соню. Девушка продолжает выводить на бумаге поздравительные тексты, рот приоткрыт, кончик языка высунут наружу, лоб блестит легкой испариной – работа нелегкая. Кажется, заключенная полностью поглощена своим занятием. Но это не так. Начальник отлично видит скованную спину, словно ожидающую удара, красные, будто напряженные, уши, внимающие каждому его движению, каждому шороху. Соня чувствует, что «индюк» великолепно это понимает. Спе-

циально испытывает ее терпение: подходит к зарешеченному окну, поливает два сиротливых кактуса, постукивает по стеклу. Меряет комнату тяжелыми шагами, натужно кашляет, брызжа слюной, наверное, специально сцепив руки за спиной. С грохотом открывает дверь, выглядывает в коридор. Соня не видит его лица, но почему-то уверена, что озирается он скорее испуганно, чем грозно.

Девушка откладывает готовую открытку, тянется за следующей. Начальник тюрьмы наконец возвращается за стол и осторожно опускается на возмущенно пискнувший стул. Молчит, смотрит на Соню с прищуром. Она поднимает голову и отвечает внимательным колким взглядом.

– Так вот, – хмыкает «индюк». – Предложение у меня к тебе, значит, Зырянская.

– Это вы уже говорили.

– Не перебивай!

– Что я говорил? Ах, да. Понимаешь, дело, как говорится, сугубо личное и глубоко конфиденциальное. Так что не вздумай его за пределы этого кабинета выносить! Не то... В общем, сама понимаешь. Ясно?

– Более чем, – усмехается девушка.

– Прекрасно. Значит, я могу продолжать. Ты, Зырянская, как к родственникам относишься?

Соня пожимает плечами.

– Не знаешь? А я вот тебе сейчас скажу. – Начальник тюрьмы роется в стопке наваленных на столе бумаг, вытас-

кивает картонную папку. – Информация, Зырянская, – великая вещь. Навел справочку, положил документик в личное дело до поры до времени, а потом при надобности заглянул и все по полочкам разложил, все разузнал про нужного человечка. Ты уж не обессудь, но твое досье я изучил и даже кое-чего в него добавил. Так вот, к родственникам ты, Зырянская, относишься плохо. Из рук вон плохо!

Соня изумленно вскидывает брови. «Интересно, какие факты моей биографии заставили этого козла сделать такой вывод?»

– Вот смотри.

Пошуршав бумажками, тюремщик вытаскивает из папки нужный листок и начинает читать, отставив бумагу на внушительное расстояние от глаз.

«Заказал бы себе очки, что ли. Наверное, боится. Стекла увеличат глаза, и хитрость с изворотливостью смогут просочиться наружу».

– Зырянская Софья Михайловна, тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения. Место рождения – город Москва. Это ты?

Кивок.

– Замечательно. Едем дальше. Родители: Колыванова Ольга Дмитриевна и Зырянский Михаил Вениаминович, в разводе с июня восьмидесятого года. Верно?

Кивок.

– С этого времени и до достижения семилетнего возраста

та девочка проживала и воспитывалась у бабушки Коновой Марии Алексеевны в селе Тарасовка Московской области. Возражений нет?

Молчание.

– Далее. В семь лет возвращена матери, и после этого у бабушки не появлялась ни разу.

– Бабушка умерла через два года после того, как меня забрали.

«Индюк» снова копошится в бумагах, потом нехотя соглашается.

– Действительно. Но не в этом суть. Даже за два года девочка не нашла ни времени, ни желания навестить старушку, положившую все силы на ее воспитание.

– Там так и написано?

– Где? Что?

– «Девочка не нашла ни времени, ни желания».

– Здесь написано, что не приезжала.

– А может, не привозили. Девочке было восемь лет.

– Девочка легко уехала к матери и о бабушке даже не вспоминала.

– С чего вы взяли?

– Что?

– Что не вспоминала.

– А что, вспоминала?

Соня не собирается исповедоваться. Смотрит зло, напряженно.

– Девочка прожила с бабушкой шесть лет и все же уехала к матери.

– Все дети хотят жить с матерью.

«Господи! Какой идиот! И чего ему от меня надо?»

– Да? – неожиданно радуется начальник тюрьмы. – Тогда разрешите узнать, почему же ваше желание изменилось и вы не последовали за своей любимой мамой и ее новым мужем в Америку три года назад, а остались в России?

– Не разрешаю! – буркает Соня, чем выбивает из-под начальника благодатную почву для новой атаки.

– Ну хорошо, Зырянская. Допустим, отношения с матерью – твое личное дело. Но ведь есть же еще и отец. Он исчез из твоей жизни, и ты не пыталась найти его.

– А должна была?

– Это же отец. Неужели тебя не интересовало, где он живет, что делает?

Соня молчит. Сначала и отцом, и матерью для нее была бабушка, а потом... Потом появился дядя Леша, но об этом она докладывать не собирается.

– Любовь не возникает из пустоты. Он не вспоминал обо мне, я не думала о нем.

– А стоило бы подумать, Зырянская, ох стоило бы. Услышь ты зов крови, может, и не сидели бы мы с тобой в этом кабинете. Ну что, не нужны тебе ни папа, ни мама?

Молчание.

– А я вот полюбопытствовал, запросики разослал куда

следует и даже, скажу тебе, ответики получил. Жив твой батяня. Обитает, так сказать, на Земле обетованной с женой и двумя детьми.

Соня смотрит недоверчиво, исподлобья.

– Не веришь? На-ка вот, посмотри.

На колени девушки пикирует листочек с нацарапанными именами и координатами.

Она скептически разглядывает буквы и цифры, потом безразлично берет бумажку двумя пальцами и возвращает начальнику тюрьмы.

– Мне это ни к чему.

– Ну, вот видишь, Зырянская, – доволен «индюк». – Я же говорил, не любишь ты родственников.

«К чему он клонит? Зачем вся эта комедия? Значит, у нее есть сестры, или братья, или брат и сестра. Они намного младше меня или нет? Как их зовут? Мы похожи? А они обо мне знают?»

– А я вот, в отличие от тебя, родственников люблю. Спешу на помощь по первому, так сказать, зову.

«Так. Уже теплее. Подобрался наконец к основному блюду. Ну-ну, послушаем».

– Есть у меня, понимаешь, один племянник. Ну, не совсем племянник и не так чтобы у меня. В общем, седьмая вода на киселе, – делано улыбается тюремщик.

Соня равнодушно разглядывает кактусы, не выказывая ни

малейшей заинтересованности.

– Хороший такой мальчишка. Ну, шалопай немного, не без этого. Так кто нынче не хулиганит, правда?

Соня молчит.

– Молчание – знак согласия, – опять неизвестно чему радуется «индюк».

«Давай уже, выкладывай, а то остынет горячее».

– Короче, получил мальчонка аттестат, а там, понимаешь, как бы это сказать, не все гладко. Ну, не все так, как хотелось бы. Я, правда... То есть не я, конечно, а родители его пытались похлопотать о нужных оценках, но вот правильного подхода к директору школы не нашли. Не удалось установить необходимого контакта, понимаешь?

Соня кивает, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться в лицо полковнику. «Что же тут непонятного. Сын начальника тюрьмы – раздолбай и двоечник. А директор школы, как назло, – честный человек».

– Зато самый весьма, надо сказать, тесный контакт удалось установить с одним преподавателем вуза, куда мальчик очень, ну просто очень хочет поступить. На первом экзамене нам, то есть не нам, а нашему абитуриенту, обещана отличная оценка. Вот так.

– Поздравляю, – проникновенно выдыхает Соня.

– Издеваешься? Не догоняешь, к чему я клоню?

– Не совсем.

– Надо сделать так, чтобы первый экзамен стал и послед-

ним. Понятно?

«Ах вот зачем я понадобилась. Теперь все ясно. Ну давай-те, товарищ обманщик, поговорим еще немного».

– Понятно. А зачем?

– Чтобы не сдавать остальные.

«Вы хотели сказать, чтобы не искать подходов к другим членам приемной комиссии. Ну-ну. Очень предприимчиво, ничего не скажешь!»

– А разве можно не сдавать? – Соня распахивает глаза в наивном удивлении.

– Можно. Если у тебя отличный аттестат и медаль. Медаль обещали состряпать.

– Но вы же говорили, у него не очень хороший аттестат. – Девушка продолжает разыгрывать непонимание.

– Во! – Одна из потных сосисок взмывается вверх. – Зришь в корень! Нужно его подправить.

– Подправить? А как?

Начальник тюрьмы сощуривает и без того маленькие глазки, приближает к Соне лицо, обдает ее душным запахом подгнивших зубов и упревших подмышек, шипит с нескрываемой злостью. И куда только подевались подобострастность и доброжелательность?

– Издеваешься, курва? Думаешь, управы на тебя нет? Как – это твоя забота. Чернилами и твоей каллиграфией, усекла?

Соня отклоняется назад, поднимает голову, рассматрива-

ет начальника и не спешит с ответом. «Индюк» покрывается потом и красными пятнами, кажется, он сейчас лопнет от гнева. Пыхтит и буравит заключенную ненавидящим взглядом.

– Усекла, спрашиваю?

– Усекла.

– Короче, Зырянская, сделаешь то, о чем тебя просят, пойдешь домой. Нет, пеняй на себя.

– Странно, – задумчиво произносит Соня.

– Что тебе странно, Зырянская?

– За подделку документов ведь сажают...

– Ну.

– Значит, и вы скоро к нам пожелуете, – иронично тянет девушка.

– Ты что себе позволяешь? Думаешь, если с тобой, как с человеком, так можно все что угодно языком молоть?! Короче, я с тобой препираться не собираюсь. Говори прямо: сделаешь или нет?

Соня медлит. Выписать округлые «отлично» на вытравленных местах ей ничего не стоит. А цена действительно велика. Всего три месяца – и все закончится. Всего три месяца – и она дома. Всего три месяца – и она снова счастлива. Три месяца вместо долгого, изнурительного, нескончаемого года. Девушка делает глубокий вдох и, глядя прямо в свинячьи глаза начальника тюрьмы, спокойно говорит:

– Я подожду триста шестьдесят пять дней.

«Индюк» испуганно вздрагивает. Он явно не ожидал такого ответа, но проигрывать не собирается.

– Ты меня разочаровала, Зырянская. Я-то найду других помощников, а ты нет.

– Ищите, – бросает через плечо Соня, уходя за пришедшим конвоиром.

Она сделала выбор. На душе у нее легко. Подумаешь, триста с лишним дней. Всего двенадцать месяцев – и все вернется на круги своя.

Соня не знает, что план поступления блатного сынули с треском провалится. Непутевое чадо вольется в компанию таких же пустоголовых, как он, болванов, ограбит ларек, затем магазин, потом доберется до пункта обмена валюты – и ему уже не помогут никакие папочкины связи. А виноватой в его горькой судьбе, естественно, окажется Зырянская. Почему, скажите, сбитый с толку дураками-ровесниками шалопай должен сидеть, а эта девица, наплевавшая на его участь, разгуливать на свободе? Нет. Так не пойдет. Отчего бы не приплюсовать к ее сроку еще какой-нибудь? Ну, предположим, за ту же кражу, или за драку, или за плохое поведение. Разве сложно найти свидетелей? Уж начальник тюрьмы найдет. Новый суд, новый приговор, новый срок. Жаль, адвокат попадется хороший. Двадцать четыре месяца превратятся всего в двенадцать, но и это лучше, чем ничего.

Так что же чувствует Соня к власти имущим? Она их ненавидит. Ненавидит отчаянно, до мозга костей. И что же, она

больше ничего не испытывает к начальнику тюрьмы? Отнюдь. С того самого дня в ней живет глубокая, опротивевшая ей самой благодарность. Все ее злоключения, горести, переживания меркнут от сияния строчек, которые она увидела и запомнила в его кабинете и которые она долгие годы повторяет как заклинание:

6 Rehov Ben Ehuda,
52434 Ashdod,
ISRAEL
Ziryanskiy M.V.

– Можем двигаться дальше? – спрашивает Соня у экскурсантов. – Впереди еще частная капелла нашего кайзера и крепостной музей.

Накатанный маршрут. Но Соне не скучно. Ни капельки. Ни секунды. Она не из тех экскурсоводов, что сухо и монотонно излагают факты. Она энтузиаст. Для нее каждое посещение крепости – праздник. Хоэнзальцбург – не памятник архитектуры. Замок – это друг со своим характером, своим настроением. Туристы считают, что диковина, стоящая на вершине горы почти тысячу лет, никогда не меняется. Да и как могут преобразиться каменные стены? Соня знает как. Для нее зальцбургское чудо света всегда разное. Вот голос крепости – знаменитый орган. Неделю назад под мрачным небом его трубы казались почти черными, порывы ветра вырывали из него жалобные старческие стоны. В солнечную погоду инструмент сияет и беспечно улыбается, словно младе-

нец. А сегодня, на закате, он играет розоватыми бликами так, будто сквозь приобретенный опыт зрелости проступает чуть грустная легкая улыбка.

Если Соне хочется напугать группу, она тащит туристов в подземную тюрьму, показывает орудия пыток и, наводя ужас на любителей крови, разливается соловьем о бесчинствах, творившихся некогда в этих казематах. Гиду хочется развеять уныние, поднять бравый дух усталых путников – пожалуйста в музей полка Райнера, ощутите себя рыцарем на поле боя, заступитесь за архиепископа, окажите сопротивление князьям южных земель Германии. Вам грустно, вид крепостных сооружений вызывает у вас уныние, даже несмотря на свой белый цвет? Соня с удовольствием повеселит вас затейливыми рассказами в музее марионеток.

Но сегодня все по-другому. Девушка не спешит выбирать следующий пункт осмотра, не советуется с экскурсантами. Она ведет туристов туда, куда ей самой больше всего хочется. Соня торопится на смотровую площадку бастиона Куенбург, чтобы нырнуть в манящие пейзажи живописной Баварии. Экскурсовод обычно тараторит там без умолку, обращая внимание слушателей на громады старинных замков, на заснеженные вершины гор, на сочные пастбища, на скопления маленьких городков и на отдельно стоящие фермерские домики. Или приглашает любителей прекрасного полюбоваться достопримечательностями Зальцбурга, оценить масштабы площади Капительплатц, оробеть перед громадой

Кафедрального собора, восхититься дивным фонтаном в барочном стиле на Резиденцплатц... Все это обычно демонстрирует своим туристам и Соня. Но сегодня девушка молчит. Она объявляет перерыв и, шурясь от беспрерывно мелькающих вспышек фотоаппаратов, окунается в манящую панораму бескрайних просторов. Соня теребит лежащее в кармане письмо, мусолит кусочек фотографии, из-за которой теперь простаивает долгие часы в музее Моцарта и которая своим появлением лишила ее самого главного и, безусловно, ценного, что еще было в жизни. Девушка разжимает пальцы, раскидывает руки, хватает воздух, плещет его себе в лицо, и ей кажется, что на мгновение к ней возвращается утраченное чувство – чувство абсолютной свободы.

– Ограничения? Конечно, у меня есть ограничения! – убедительно фыркает Лола и для пущей важности даже хлопает кулаком по подлокотнику дивана.

– Непохоже, – вздыхает дон Диего и качает седой головой. – Творишь, что в голову взбредет, не задумываясь о последствиях.

Лола краснеет:

– Это неправда!

– Как же неправда? А это что?

Лола кидает взгляд в монитор.

– Не что, а кто. Это бык.

– Вижу, что бык. Но вот что ты делаешь рядом с ним? – сурово вопрошает главный редактор.

– Стою.

– Не зли меня, Лола. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Если ты хотела оправдать свое бегство из студии репортажем о собственной смерти, твое дело. Но мне такие жертвы ни к чему!

– Да какие жертвы? О чем вы? Бык даже не шелохнулся!

– Но ты хотела этого.

– С чего вы взяли? – возмущенно вскрикивает Лола, пытается вскочить с дивана, но тот слишком низкий и мягкий, чтобы выпустить женщину из своего плена.

– А разве нет? – с иронией.

– Нет! – грубовато.

– Ну а зачем тебе тогда понадобилась красная тряпка?

Лола смотрит на экран. Она протягивает пук сена племенному быку и одновременно поглаживает его круп пурпурным куском материи.

– Я же не машу ею перед носом животного.

– Лола, она красная!

Матадор Долорес Ривера изумленно поднимает брови и заразительно хохочет. Главный редактор недовольно хмурится.

– Вы серьезно, дон Диего? Вы не шутите?

– Она еще и смеется, паршивка!

– Дон Диего, быки не различают цвета!

– Что?

– Неужели вы не знали? Их раздражает вовсе не цвет тряпки, а агрессивные движения тореро.

– Пусть так, Долорес, пусть так, но этот бык уже был на корриде. Кому, как не тебе, знать, что он не очень-то расположен к людям?

– Послушайте, это рейтинговые кадры.

– Это, Лола, пища для нового всплеска активности противников корриды. «Посмотрите, какие на самом деле эти бычки милые и безобидные, а они – жалкие трусы – их убивают». Вот что это такое.

Лола вспыхивает.

– Труссы? Пускай сами соберутся вдесятером, пусть берут столько мулет и капоте, сколько захотят. Могут даже выехать на арену верхом, хотя лучше не надо, лошадей жалко. Им совсем не обязательно убивать быка или даже дразнить его, желательно просто продержаться минут десять, не больше. Уверена, что даже самые крикливые из этих «праведников» уже через минуту начнут молиться. Да среди тореро по определению не может быть людей, лишенных храбрости! Зачем тогда выходить на арену? Чтобы быть освистанным? Чтобы никогда не узнать славы?

– Браво, Долорес! Вот об этом и стоило говорить, вспомнить о мужестве матадора, дарующего жизнь быку! Каково это – под вопли ревущей публики, подгоняющей тебя, ждущей с нетерпением последнего удара, опустить шпагу, потратить драгоценное время на то, чтобы поклониться животному, готовому разорвать тебя в клочья, и успеть уйти. Не убежать, а именно с достоинством удалиться, хотя каждая лишняя секунда, проведенная на арене с отпущенным быком, может стоить тебе жизни.

Лола зачарованно слушает, потом искренне сокрушается:

– Извините. Я как-то не думала...

– Не думала она! Я не стал настаивать на твоей работе в информационном отделе, я поддержал твое решение делать фильмы о корриде. Да и кто может рассказать о ней лучше, чем ты? Репортаж о жизни племенных торо – это, безусловно, интересно. Но ты должна была кричать о том, что у

каждого быка на поле боя есть шанс закончить свою жизнь не на арене, а на таких чудесных пастбищах, где его будут холить и лелеять и никогда не отправят на бойню. Тебе надо было упираться на то, что такая возможность дается только участникам зрелища, все остальные быки рано или поздно превращаются в говядину. Навести справки, привести примеры. Скольких противников ты оставила в живых?

– Ни одного.

Дон Диего не сводит с женщины изумленных глаз, потом произносит с нескрываемым восхищением:

– Да ты, оказывается, Заккахозо²¹.

– Ну что вы, – горько усмехается Лола, – я теперь Альмиранте.

– Я Альмиранте?²² – Маленькая Долорес хитро смотрит на отца. – Здорово!

– Чудачка! – Хосе Ривера по прозвищу Пепе Бальенте²³ ласково смотрит на дочь. – Тут нечем гордиться. Альмиранте – это один довольно флегматичный бык, который во время корриды в Пасакес в 1858 году наотрез отказался драться, покинул арену, прошагал по площади, поднялся на вто-

²¹ Кличка быка, которого первым не убили во время корриды. Его проткнули пикой 33 раза, он убил 11 лошадей и был награжден жизнью за проявленную доблесть.

²² Адмирал (*исп.*).

²³ Пепе – уменьшительное от Хосе, бальенте – храбрый (*исп.*).

рой этаж здания мэрии и стал мычать с балкона на публику.
– Я ни на кого не мычу! – Девочка обиженно наддувает губы.

– Нет. Но ты убегаешь из зала.

– Потому что я устала!

– Что значит «устала»?

– Папа, я не понимаю! Я собираюсь стать матадором, а не гимнасткой. Зачем тратить столько времени на растяжку? Мало того, что я и так из всех углов слышу шипящее *marí macho*²⁴, так ты еще даешь им повод смеяться надо мной. Ребята уже давно отрабатывают пасес²⁵, а я все еще бегаю по арене с мячиком и задираю ноги в разные стороны, как ребенок. А мне уже почти тринадцать!

Пепе улыбается. Она и есть ребенок. Его ребенок. Несколько лет назад он и не подозревал о ее существовании, даже не задумывался о продолжении рода, о династии матадоров. Восьмилетняя Лолита вошла в его жизнь случайно.

Пробитая шина в трущобах на подъезде к ночному Мадриду – не самое лучшее, что могло произойти с Хосе Ривера, но прославленный матадор не привык поддаваться собственным страхам. Совсем недавно он завершил выступления и подумывал об открытии собственной школы. Конечно, он преуспел, не испытывал недостатка в славе и деньгах,

²⁴ Мужеподобная женщина (*исп.*).

²⁵ Знаменитые шаги с плащом.

но желания его пока не иссякли и заканчивать существование в грязной луже с пробитым черепом (что вполне могло случиться) он не собирался. Сначала Пепе хочет запереться в своем уникальном, сделанном по специальному заказу «Сеате» и дожидаться утра, но храбрость и мужество одерживают верх – матадор решает менять колесо.

Впоследствии Пепе не раз говорил друзьям, что матадоры – действительно великие фаталисты, их все время направляет судьба, ведет по жизни, хранит, оберегает, а порой преподносит неожиданные сюрпризы.

Свой сюрприз Хосе Ривера сорока двух лет от роду видит через несколько секунд после того, как решается вылезти из автомобиля. Точнее, сюрприз сам бросается к нему тощей тенью из придорожных кустов, больно бьет по лодыжке и дергает за рукав.

– У тебя есть что-нибудь поесть? – требовательно спрашивает чумазое существо, замотанное в невообразимые лохмотья.

Пепе на всякий случай перекладывает бумажник из заднего кармана брюк в передний и лезет в машину за пачкой кукурузных чипсов.

– Держи.

– Ага. Класс! А можно я погреюсь в твоей тачке, пока ты будешь чинить колесо?

Матадор нерешительно рассматривает босые ноги в налипших комьях земли, переводит взгляд на светло-бежевый

салон «Сеата», вздыхает:

– Залезай.

– Вау! – победно верещит цыганенок и ужом проползает по водительскому сиденью на место пассажира. И не думая спустить на пол грязные ноги, разрывает пакет и начинает есть, громко чавкая, ни на что не обращая внимания.

– Ну, ты ешь, а я тут это...

– Ага.

– Ты просто посидишь, да?

– Ага.

Хосе Ривера вынимает ключи из зажигания и тут же одергивает себя: «Идиот! Ведь это совсем ребенок!» Но внутренний голос намекает, что у чумазого дитяти могут быть сообщники отнюдь не нежного возраста. Те пятнадцать минут, что матадор потратил на смену шины, были худшими в его жизни. Такого животного страха он не испытывал даже на арене, хотя рога быка не раз полосовали его тело. Но коррида – это честный бой с благородным противником, который никогда не станет таиться и нападать из-за спины. Бык всегда действует честно, открыто и благородно, зверь встречает соперника лицом к лицу. Той ночью у матадора нет ни единого шанса увидеть неприятеля в случае нападения. Орудия домкратом, Пепе взмокает, но не от физической нагрузки, а от страха. Однако вопреки ожиданиям и, наверное, благодаря счастливой случайности никто не выбежал из кустов и не обрушил на его голову града ударов.

Завершив работу, матадор подавляет желание отряхнуть кресло от грязи и садится за руль.

– Я закончил, – заявляет он, не в силах прямо указать существу на дверь.

– Ага.

– Ты... Ты можешь идти.

– Ага.

– Ну так...

– Ща, доем только. А попить у тебя ничего нет? В горле все прямо ссохлось.

– Пересохло, – машинально поправляет Пепе.

– Ага. Так есть попить?

– Нет. – Матадор искренне сожалеет.

– Может, купишь? Тут через пару километров заправка. Тебе все равно в ту сторону.

– А тебе разве можно убегать так далеко от дома? – пробоует пожурить нахального собеседника мужчина.

– Короче, воды купишь? – грубо одергивает ребенок.

– Ну ладно. – Матадор заводит двигатель.

«Знал бы, что тут поблизости заправка, ни за что не остановился бы, дотянул до безопасного места».

– Что тебе купить?

– Говорю же, воды. Только не вздумай брать малюсенькую бутылочку, возьми сразу литр. Меня ужас как жаждит.

– Надо говорить «у меня жажда».

– Ага. Давай, иди покупай.

Хосе Ривера не решается перечить и спешит выполнить приказ маленького командира. Принесенная им пластиковая емкость Agua Sana в мгновение ока оказывается полупустой.

– Фу, – чумазая ладошка вытирает мокрый рот, – напилась.

Пепе удивлен и озадачен:

– Ты девочка?

– А че?

– Ничего. Просто...

– Че «просто»?

– Не похожа!

– А, – довольно машет рукой малышка и обнажает белоснежные зубы в широкой улыбке. – Это Лоле все говорят.

– Значит, тебя зовут Лола?

– Ага.

– А лет тебе сколько?

Девочка сосредоточенно ковыряет в носу.

– Я спросил, сколько тебе лет?

– Ну восемь.

– Не «ну восемь», а просто восемь.

– Ага. – Палец вновь оказывается на прежнем месте.

– Давай, Лола, я отвезу тебя домой.

– А ты уже привез.

– То есть?

– Видишь вон ту скамейку с картонкой? – Девочка показывает на зеленую зону отдыха за заправкой.

– Вижу.

– Я там живу.

– То есть как?

– Просто. Сплю. Только надо уходить до рассвета и приходить, когда стемнеет, а то эти с заправки узнают и расскажут обо мне полиции. Меня тогда заберут, а уходить мне отсюда нельзя. Ой, – вдруг пугается малышка, – только и ты им не говори!

– Хорошо. А почему тебе нельзя уходить?

– Я жду, когда за мной вернутся.

– Кто? Родители?

– Нет. Все.

– Кто все?

Малышка оглядывается по сторонам, как будто чьи-то уши могут уловить, что она шепчет в закрытом автомобиле.

– Понимаешь, папа убил маму, дядя Роми пристрелил папу, а потом поджег дом.

У Пепе расширяются глаза от ужаса, но девочка не замечает произведенного эффекта, продолжает спокойно объяснять:

– Дядя Роми, он главный. Он сказал, что надо уходить, иначе его заметут. Ну, все собрались и ушли, а меня забыли. И я вот жду, когда за мной вернутся. Я же в таборе.

– Давно ждешь? – ошарашенно спрашивает Пепе.

– Кажется, третий месяц, но я не уверена. А что? Это много? Они уже слишком далеко ушли, да? Думаешь, мне еще

долго ждать надо?

Матадор лишается дара речи. Конечно, он знает о цыганском кочевом образе жизни, осведомлен, правда, поверхностно, о культуре этого народа, но он никогда раньше не слышал, чтобы цыгане бросали детей. Бывает, уходит женщина в другой табор, оставляет потомство, так ее дети тут же становятся «сыновьями полка». Как же они бросили эту девчушку? Случайно или специально? Всякое, конечно, может случиться. Не в национальности тут дело. Дело в том, что ребенок один, и понятно, что никто и никогда за ним не придет.

– Думаю, ждать тебе больше не надо, Лола.

– Почему?

– Никто не вернется, и лучше всего как раз пойти в полицию. Я тебя отвезу.

– Предатель! – взвизгивает девочка и, смачно плюнув в лицо доблестному матадору, выскакивает из машины.

Хосе Ривера наблюдает, как она со вздрагивающими плечами бредет к холодной скамейке, как маленькая фигурка укладывается на потрепанный картон и засовывает покрытые цыпками и ссадинами ладошки под немытую голову. Хосе Ривера трогает с места. Хосе Ривера направляется в полицию. Хосе Ривера через пять минут разворачивается. Хосе Ривера возвращается на заправку. Хосе Ривера выходит из машины.

Он все еще спорит с грозными противниками, в арсенале

которых – множество убедительных аргументов. Против ма-тадора объединились логика, здравый смысл, природа. Все в один голос твердят ему о сложившейся жизни, об укоре-нившихся привычках, о характере бунтаря и одиночки. То-реадоры не созданы для семьи. Это практически аксиома, но бесстрашный Пеппе Бальенте, у которого трясутся все под-жилки, скороговоркой повторяет, подходя к скамейке:

– Долорес Хосефа Ривера. Да. Почему бы и нет? Решено.

– Вставай, Лола, – аккуратно теребит он костлявое плечи-ко.

Ребенок с трудом разлепляет сонные глаза, узнает мужчи-ну и тут же вскакивает, испуганно озираясь.

– Уже настучал, да? Меня заберут в полицию?

– Никуда тебя не заберут, успокойся! Поедем со мной.

– Куда? – настороженно спрашивает девочка.

– Ко мне.

– Домой?

– Да.

– Не поеду. – В голосе – уверенность и угроза.

– Почему?

– Нельзя ходить домой к чужим дядям, – уверенно гово-рит малышка.

– Правильно. А прыгать к ним в машину можно?

– Тоже нельзя. Но очень хотелось есть.

– Дома еды еще больше.

– И вода есть?

– Есть.

– А ты потом привезешь меня назад?

– Если захочешь.

Лола мнется еще несколько секунд, но желание оказаться в тепле побеждает остатки страха, и девочка покорно следует за Хосе. Несколько минут они едут в полном молчании. Малышка дергает мягкую штуковину над лобовым стеклом, обнаруживает там зеркало и, присвистнув от удовольствия, пристально изучает свою неумытую рожицу. Аккуратный вздернутый носик, черные цыганские глаза, жесткие, крупные кольца темных волос, торчащих в разные стороны, пухлые розовые губы, покрытые болячками. Лола рассматривает свое отражение с разных сторон, колупает прыщик на левой щеке, пытается стереть малюсенькое родимое пятнышко с правой, то и дело бросает косые взгляды на водителя. Потом не выдерживает и роняет фразу, которая рассеивает последние сомнения, терзающие Хосе:

– Знаешь, а мы похожи.

С тех пор минуло почти пять лет. Возвращаться на облюбованную скамейку девочка, конечно, не захотела. Зато у нее появилось другое желание – она собралась стать матадором, как отец. Несколько лет у настырной девчонки ушло на то, чтобы уговорить отца приступить к тренировкам. Хосе сдался и взял дочку в группу. К затее ребенка он относился без всякого энтузиазма и втайне надеялся, что у малышки ничего не получится. Однако мечтам его не суждено было

сбыться. С первых же уроков матадор заметил, что девочка – прирожденный тореро. Гибкость и элегантность сочетались в ней с бесстрашной решимостью, чего не хватало многим другим ученикам. И тогда Хосе испугался. Страх потерять ребенка заставлял его придумывать все новые и новые отговорки для того, чтобы подольше оставлять Лолу в гимнастическом зале, изводить ее растяжками и другими скучными упражнениями и не переводить на следующий этап тренировок. Ежедневно он рассказывал об опасностях профессии, о невообразимо трудном пути, который надо пройти, чтобы добиться успеха, о погибших тореро. Он надеялся, что Лоле просто-напросто надоест тратить время на однообразный бег по кругу и махи ногами. Так оно и случилось. Если вначале девочка внимательно выслушивала наставления отца и поддавалась на хитрые предложения задержаться на первоначальном этапе, чтобы снова и снова отшлифовывать и без того великолепную природную гибкость, то в последнее время любые замечания она воспринимала в штыки и к советам Хосе уже относилась с нескрываемым недоверием. А матадор продолжал гонять дочь по тренировочному залу и ждал, когда же она наконец хлопнет дверью.

И вот терпение Лолы иссякло. Она собирается уходить. Отец ликует:

– Неважно, сколько тебе лет, Лола, десять или тринадцать. Во всем надо стремиться к совершенству. Если я вижу, что ты не достигла его в гимнастике, нет смысла переходить к па-

сес. Если ты устала от обучения, давай просто прекратим.

Хосе ждет, что девочка согласится, и он в конце концов сможет успокоиться: его дочь распрощалась с мечтой о будущем матадора.

– Хорошо, папа, – покорно кивает Лола от двери. – Давай. Я не буду больше заниматься. – Она берется за ручку, оборачивается и, блеснув зубами, добавляет: – С тобой.

– Подожди! – требовательно кричит он.

– Да? – кокетливо вопрошает хитрюга.

– Что? Что все это значит?

– Это значит, – гневно начинает выговаривать Лола, подходя к отцу, – это значит, что я не хочу больше быть ученицей обманщика! Это значит, что я не желаю носить клеймо худшей, когда на самом деле я лучшая. У меня есть глаза, папа, и я прекрасно вижу, что мое место уже давно среди тех, кто оттачивает свое мастерство на арене. И если ты непустишь меня туда, я найду того, кто сделает это!

В глазах дочери столько огня и необузданной ярости, что Хосе мгновенно понимает: она не шутит. С ее навыками, умениями и родственными связями Лолу примут в любую другую школу тореадоров, а если он вздумает чинить ей препятствия, потеряет дочь. И все же он предпринимает последнюю попытку отговорить упрямыцу:

– Ты права, права, Лола. Я действительно не хочу, чтобы ты становилась матадором. Я боюсь за тебя. Столько пикадоров, матадоров, бандерильерос, церемониймейстеров по-

гибли во время корриды!

– И много среди них было женщин? – язвительно спрашивает Лола.

– И опять ты права. Но отсутствие слабого пола в списке погибших лишь подтверждает то, что коррида – не женское занятие.

– Угу. И двадцать седьмого мая тысяча восемьсот тридцать девятого года на арене тоже были мужчины²⁶.

– Лола, за свою карьеру матадор получает примерно двадцать ударов рогом.

– Расскажи это Мартине Гарсиа²⁷.

– Выступать начинают в двадцать лет, в сорок выходят на пенсию, а звездных сезонов – всего семь за карьеру.

– А об этом – Кончите Синтрон²⁸.

– Доченька, чтобы драться с быком, надо обладать недюжей физической силой, а ты у меня маленькая и хрупкая.

– Ну конечно! В двадцать-то лет все просто богатыри на арене. А ты у меня хуже Франко!

– Да что ты можешь знать о Франко! – возмущается Хосе такому сравнению.

²⁶ Эта коррида вошла в историю как чисто женская тавромахия. Все ее участницы были молодыми женщинами.

²⁷ Звезда арены, посвященная в матадоры в 1948 году.

²⁸ Во времена Франко для этой женщины сделали исключение и разрешили стать конным тореадором, но она все же сходила с лошади и добивала быка в пешем бою. У нее не было никакого официального статуса, но ее имя вошло в список «пяти всадников апофеоза» – лучших матадоров страны.

– Достаточно того, что он запретил женщинам выступать. Но ведь это право вернули уже почти двадцать лет назад, и ты не можешь остановить меня.

– Чего ты хочешь, Лола? Лишиться жизни?

– А ты этого хотел, когда стал матадором? Я хочу того же, чего хотел ты, папа. Я не хочу и не собираюсь умирать, но я хочу стать хозяйкой собственной жизни. Я не хочу убивать, но я буду делать это так, как того требует искусство корриды. И я хочу стать ее художником, рисующим на арене свой автопортрет.

– Где ты вычитала эти красивые слова?

– Неважно!

– Хочешь ты этого или нет, но бык может забрать жизнь.

– Я хочу чуда, папа! Я уже три года каждый день прихожу сюда. И я прекрасно помню, что написано на одной из стен: «Стать великим в бое с быками – почти чудо. Но кому это удастся, у того бык может забрать только жизнь. Славу же – никогда»²⁹.

– Ладно, Долорес Ривера, – Хосе склоняется в почтительном поклоне. – Тебя не переубедить. Пойдем на арену.

– Папа! – победоносно визжит девочка и душит отца в объятиях.

– Похоже, я подорвал твое доверие, детка, – матадор гладит жесткие кудри дочери. – Что прикажешь делать с этим?

– Исправлять.

²⁹ Лозунг, написанный на одной из стен Мадридской школы корриды.

– Так что же прикажешь делать с твоим репортажем, Долорес? – выжидающе спрашивает дон Диего.

Лола виновато вздыхает:

– Исправлять.

Портить отношения Катарина никогда не любила. Не умела отвечать грубостью на грубость, хамить, дерзить и ссориться, не умела обижать и старалась не обижаться сама. Но теперь вся она превратилась в воплощение оскорбленного достоинства, в памятник уязвленной гордости, в олицетворение поруганных чувств и попранных надежд. Она погрязла в мире своего огорчения и упрямо не желала выходить за его пределы. Снова и снова прокручивала в сознании сцены совместной жизни с Антонио, пытаюсь найти причину его поступка, разгадать, когда и почему он перестал любить и уважать ее настолько, чтобы позволить себе уйти вот так, в одночасье, без каких-либо сожалений и объяснений.

Может быть, это случилось из-за Риккардо? Как говорится, «скажи мне, кто твой друг...». Лучший приятель мужа был частым гостем в их доме. Каждый год он навещался на пару недель из Италии вместе с женой и детьми. Их младший даже сдружился с Фредом. Поэтому сын последние несколько лет и мучил Катарину вопросом, почему вместо того, чтобы привезти с собой детей, дядя Рик прибывает в компании скучной молодой особы, которая полдня проводит в ванной, чтобы подобрать тени, подходящие к мини-юбке, а остальное время – на поле для гольфа, где демонстрирует отнюдь не точную технику удара, а эту самую юбку. Катарина посту-

пок Риккардо не одобряла, но не считала возможным выказывать осуждение. К тому же сам любвеобильный итальянец столько раз признавался друзьям в своем наконец обретенном счастье, что у каждого, даже истового пуританина, попало бы всякое желание его порицать.

– Это просто свежая струя, глоток чистой воды, – говорил Риккардо, провожая похотливым взглядом длинные, слегка полноватые, блестящие искусственным загаром ноги своей избранницы. – Вы не представляете, что значит начать новую жизнь. Что может быть лучше молодой кобылицы в конюшне? – частенько вопрошал ценитель новых ощущений. Его пассия благосклонно улыбалась в ответ и стыдливо краснела, но Катарине казалось, что на щеках юной соблазнительницы горит румянец необъяснимого торжества.

А что же Антонио? Антонио тоже не отличался изобретательностью. На все разговоры Риккардо о чудесах и достоинствах ретивой кобылки он отвечал неизменно: по-хозяйски обнимал жену и философски изрекал:

– Старый конь борозды не портит.

А Катарина улыбалась и благодарно чмокала его в сухие губы. «Боже! Какая дура! Ее обзывали старой клячей, а она радовалась этому «изысканному» комплименту».

Треньканье телефона отрывает женщину от размышлений. Она вытирает руки о фартук и снимает трубку. В кухне телефон висит на стене, так что можно натянуть провод

и продолжать помешивать свой коронный гуляш с топинам-буром...

– Я слушаю.

– Ну как ты? – спрашивает мать замогильным голосом.

Три дня назад Катарина попросила ее уехать. От назойливой опеки, от ежеминутных выпадов в адрес Антонио, от непонимания («Не стоит так расстраиваться, дочка. Я всегда говорила, этот твой итальянец не стоит и выеденного яйца!») Катарине становилось только хуже. Она собралась с духом и сказала, что матери пора возвращаться домой: «Спасибо, мама, за поддержку, но я попробую обойтись без нее». Фрау Агнесса удалилась мрачная и оскорбленная, уверенная, что оставила Катарине новую, гораздо более существенную пищу для переживаний и душевных терзаний. Однако семьдесят два часа – это тот максимум, который она может продержаться без общения с дочерью. Катарина прекрасно это знает. Без отсутствия объекта для поучений и наставлений мать чахнет.

– Ничего, мама. Спасибо. Нормально.

Фрау Агнесса молчит несколько секунд, потом не выдерживает.

– Он приехал?

Катарине кажется, она видит, как мать поджимает губы.

– Не знаю. Хотя да. Наверное, да.

– Что это значит? Он забрал детей?

– Дети ушли, мам.

– Ты их не провожала? – Ну вот, острый клинок заточен...

– Нет.

– Значит, вы не виделись? – Острие вонзается в рану.

– Нет.

– До сих пор? – Проворачивается внутри, разрывая плоть.

Катарина мрачно солит гуляш во второй раз.

– А как продвигаются поиски работы? – Это тоже не лучшая тема для обсуждения.

– Неважно.

– Тебе же назначили собеседование. Ты не ходила?

– Ходила вчера.

– Ну и что?

– Ничего, мама. Я, как бы это тебе объяснить, overqualified.

– Что?

– Слишком квалифицированна, понимаешь? Провожать девушек в солярий и включать аппарат не позволяют диплом и многолетняя врачебная практика.

– Как это может быть? Нет, я понимаю. Я прекрасно понимаю, когда человеку отказывают по причине отсутствия квалификации, но указать на дверь из-за наличия таковой... Это просто нонсенс!

– Мама, успокойся! Быть слишком квалифицированным для какой-либо работы – совершенно нормально.

– Да? Но что же тебе тогда делать?

– Я и сама хотела бы это знать.

– Может, попробуешь вернуться в больницу?

– Прости, мама, у меня тут горит. Я больше не могу разговаривать. перезвоню попозже.

Катарина вешает трубку.

В больницу. Что за чушь! Так о чем она думала? Ах да, о Риккардо и его юной красавице. Конечно, пример друга не мог оставить мужа равнодушным. У Риккардо – феерические праздники, у Антонио – серые будни. У Риккардо – каникулы в Акапулько, у Антонио – уикенд в доме у тещи. У Риккардо – путешествия за новыми впечатлениями, у Антонио – поездки в детский сад. У Риккардо – ночные полеты, у Антонио – крепкий здоровый сон. У Риккардо – разговоры о высоком, а у Антонио – о тонкостях трахеотомии или, того хуже, резекции желудка. Хотя вот уже два года она таких бесед не ведет. Но, наверное, в оценках Фреда и игрушках Аниты тоже не много романтики.

Раньше, когда Риккардо еще приезжал с семьей, они прекрасно развлекались все вместе: устраивали барбекю, выбирались в кино, даже участвовали в регате самодельных парусников. Кажется, яхта мальчишек тогда пришла третьей, и Антонио пообещал, что уж в другой раз они непременно станут чемпионами. Однако на следующий год Риккардо приехал уже со своей девицей и соблазнял друзей совершенно иными радостями жизни. Теперь его прельщали не семейные выходные, а шумные вечеринки в ночных клубах,

рестораны и дискотеки. Сколько раз он предлагал что-то подобное, что вовсе не казалось Катарине заманчивым. Она отговаривалась тяжелой работой хирурга, дежурствами или отсутствием бебиситтера. А когда оставила работу, отказываться перестала, но тут желание пропало у Антонио. А пропало ли? Может, он просто не хотел идти с ней? Ну действительно, как бы она смотрелась в окружении девчонок с обнаженными пупками и пирсингом в носу? По меньшей мере нелепо. А современные танцы? R&B вперемежку с кривляниями Шакиры. Да ей понадобится миллион лет, чтобы научиться так вертеть своей задницей! Как бы чувствовал себя муж, приведи он на танцы замороженную воблу? «Эй, чувак, что за чикса рядом с тобой? Колода колодой! Где ты откопал эту развалюху? В собственной спальне? О! Ты коллекционируешь антиквариат! Круто!»

Усмешка перекашивает лицо Катарины. Ложка в сотейнике перестает мерно двигаться, скребет по дну, жалобно верещит на стенках, разбрызгивая жирные капли соуса по веселым утиным мордочкам фартука.

«Ладно, к чему это самобичевание? В конце концов, танцевать Антонио сам никогда не умел, заманить в клуб его было сложно и в молодые годы. Так что дело тут, наверное, не в Катарине. Хотя теперь-то он наверняка пойдет выделять коленца. Придется соответствовать интересам своей вертихвостки. Иначе ее обвинят в ремесле старьевщика. А кому это понравится, Антонио? Придется тебе молодеть. Она ведь

удивляет тебя своей наивностью, непосредственностью, чистотой... Что-то все это слишком мягко. Она умиляет тебя своей глупостью, так будет вернее. А этим Катарина уж точно удивить не может. Катарина привыкла поражать другими вещами. Этюдами Шопена. Помнишь, Антонио, я начинала играть неторопливо, меланхолично, лица гостей мрачнели, покрывались налетом интеллектуальной грусти, а ты раскачивался на кресле, строил смешливые рожицы и всячески старался переключить меня – ты всегда любил легкий колорит, скерцозную, капризно-шутливую музыку. А Бернс, Антонио? Помнишь: «Любовь, как роза, роза красная...»³⁰ Ты пытался прочесть это на первом свидании, только сбился после двух строк, смутился, а я подхватила. Ты еще удивился:

– В Австрии любят Бернса?

– Не меньше, чем в Италии.

Бернса я любила всегда и люблю. Ты попал в точку. Я декламировала при каждом удобном случае, сыпала цитатами. Иногда ты даже опережал меня:

– Родители, богатые – это кто? – важно вопрошает Анита.

– «Кто честным кормится трудом, того зову я знатью»³¹, – говоришь ты и смеешься, а я остаюсь стоять с открытым ртом. Именно это я и хотела сказать.

³⁰ Здесь и далее стихотворения Роберта Бернса (1759–1796) приводятся в переводе С.Я. Маршака.

³¹ Бернс «Честная бедность».

– Папа, кем ты работаешь? – звучит очередной вопрос.

– «Был честный фермер мой отец, он не имел недостатка...»

Празднуем мой день рождения, поднимаем бокалы.

– «Мы пьем за старую любовь, за дружбу прежних дней», – лихо декламируешь ты мой неизменный тост.

Мы в гостях у моей мамы. Дети спят и строгая фрау Агнесса тоже. Мы пробираемся к калитке и выскальзываем из сада на усыпанное звездами поле. Зеленая трава чернеет под босыми ногами, я набираю в грудь воздух, но ты тут, как тут:

...Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу...

Я счастливо улыбаюсь, прижимаюсь к тебе и целую небритую щеку. Конечно, за пятнадцать лет все это могло и наскучить. А мои картины? Как ты смеялся, когда я впервые разрежала две одинаковые открытки с цветами на тонкие полоски.

– Это что, оригами?

– Буду украшать стены.

– Открытками? – ты прямо скрючился от смеха.

Зато потом, когда увидел готовую большую картину, побежал за рамочкой и повесил мое творение на самом видном месте. Помнишь, как ты хвастал моим увлечением друзьям и с восторгом говорил, что не придется тратить на покупку

постеров с импрессионистами? И что теперь? Открытками увешаны все комнаты. А как ты отреагировал на две последние? Оторвал взгляд от экрана, бегло взглянул и сказал:

– Ага. Молодец. Здорово.

А ведь это был твой любимый Дега. И что? «Танцовщицы» перекочевали в кладовку, а «Гладилицы» я подарила маме. Она сказала, что ей будет веселее утюжить белье в такой компании, и картина перекочевала к ней. А ты? Ты этого не заметил.

Чем же еще я могла удивить тебя, мой дорогой? Почитать вместо «Справочника по современной хирургии» глянцево-журналы и прислушаться к их модным советам? «Смени имидж», «поменяй стиль», «сделай стрижку», «подретушируй форму губ, глаз, бровей, мозгов...». Это мы уже проходили. Помнишь, после рождения Анитки на меня навалилась депрессия? Я не расставалась с сантиметром, перетягивала талию и ныла, ныла, ныла. А потом отправилась в парикмахерскую и перекрасилась в черный цвет. И что ты сказал? Посмотрел на меня мрачно и категорично заявил:

– Верни мою жену.

С экспериментами было покончено.

Так чем же я еще могу удивить тебя, Антонио? Разве что мой гуляш с топинамбуром все еще способен вывести тебя из оцепенения. Зима – самое лучшее время для земляной груши. Знаешь, я всегда варю ее перед тем, как обжарить на ореховом масле. Я сохраняю для тебя все витамины, Анто-

нию, все целебные свойства. Чтобы ты был здоров, чтобы у тебя были силы, чтобы не настигла хандра. Хотя сил тебе, по всей видимости, не занимать, да и уныние в ближайшее время не грозит. Может, стоило превзойти себя и приготовить твою любимую рыбу? Нет, это выше моих сил. Я пока не способна. Ты всегда поддевал меня, спрашивал, как может тошнить от запаха рыбы и не тошнить от запаха крови?»

Катарина пробует кусочек тушеного мяса, удовлетворенно цокает языком и развязывает фартук.

«Может, детям удастся затащить тебя в дом? Фред говорил, у него не получается модель самолета, хотел попросить тебя помочь склеить макет. Чем не повод остаться на ужин? Что же, я должна быть во всеоружии».

Женщина поднимается в спальню, открывает шкаф и перебирает вешалки.

«Шелковое зеленое и к нему – тот изумрудный гарнитур, что ты подарил мне на десятилетнюю годовщину свадьбы? Нет, очень торжественно и слишком... слишком очевидно. Коричневое шерстяное под горло? Как-то скучно. Можно оживить ниткой жемчуга. Но ведь говорят, жемчуг – к слезам, а слез у меня и без того хватает. Может, просто черный хлопковый сарафан и босоножки на шпильке? Нет, не по сезону. Да и двенадцать сантиметров дома выглядят, мягко говоря, странновато».

Катарина закрывает шкаф. В конце концов, то, что на ней

надето сейчас – джинсы и мягкий пуловер, – самая подходящая одежда. Спортивный стиль всегда шел ей, делал свежее и моложе. Женщина улавливает тихое шуршание шин, хлопает дверь.

– Мам? – басит Фред.

– Мы пришли, – вторит Анита.

Катарина бежит в ванную, брызгает холодной водой на вспыхнувшие щеки, распускает волосы, опять собирает их в хвост, снова распускает и, в последний раз встретившись в зеркале с осунувшимся лицом, спускается вниз.

– А папа?

Фред молча стягивает куртку с сестры.

– Паркуется?

– Уехал.

– А как же твой макет?

– Сказал, в другой раз, – расстроено пожимает плечами сын.

– Смотри, мам! – Анита демонстрирует новую куклу.

– Очень красивая. Как мы ее назовем? – Катарина гладит дочку по голове. – Ну, значит, в другой раз, – подбадривает она сына, да и саму себя.

«Хорошо, что не стала наряжаться».

– Элиза, – зычно предлагает Анита.

– Что? Какая Элиза?

«Только больше расстроилась бы».

– Назовем Элиза.

– Кого назовем?

– Куклу! – возмущается ребенок и тычет Катарине в нос искусственные локоны.

– Ах да. Красивое имя.

– И вовсе даже не красивое! – неожиданно злобно выкрикивает Фред. – Просто уродское!

Мальчик отшвыривает меховые скетчерсы и вприпрыжку мчится по лестнице. Наверху раздается громкий стук – сын закрылся в своей комнате.

– Давай-ка, милая, скажи мне, что должна сделать Элиза, раз она пришла с улицы?

– Вымыть руки.

– Умница. Идите и мойте. Можешь даже достать те гели, что мы купили вчера в магазине, и сделать Элизе шапку из пены, а мама сейчас придет, хорошо?

– Хорошо, – отзывается Анита уже из ванны, откуда раздаются звуки выдвигаемых ящиков. Ребенок занят поисками чудесных гелей, а Катарина поднимается к сыну.

– Фред? – Она приоткрывает дверь. Сын сидит за столом и что-то вертит в руках, но что, не видно. – Фред, можно войти?

– Да.

Катарина подходит к столу.

– Зачем ты это делаешь? – Даже склеенные части макета теперь разломаны и разбросаны по столу.

– Не желаю, чтобы он здесь был!

– Почему? Папа ведь выбирал. Хотел, чтобы тебе понравилось.

– Не надо мне ничего!

– Не злись, Фред. Я понимаю, ты расстроен, но самолет здесь ни при чем. Что, если я пойду и выкину все свои платья и украшения, потому что их дарил папа? Это будет неправильно, малыш. Они хранят его любовь.

– Ничего они не хранят! Не нужна мне его любовь!

– Ладно, ты не хочешь сейчас меня слушать. Поговорим потом. Постарайся успокоиться, хорошо?

– Хорошо. Но «Элиза» – все равно уродское имя!

– Чем оно тебе так не нравится?

– Не нравится, потому что она уродская! – Катарине кажется, что она леденеет, а сердце начинает биться часто-часто.

– Кто она? – спрашивает женщина, стараясь не выдать ребенку своего волнения. – Кукла?

– Не кукла, а эта женщина. Элиза. Папа был с ней.

– А... А почему она уродская? Наверное, наоборот, молодая и красивая.

– Ничего не молодая и совсем-совсем, ни капельки не красивая! Ты намного лучше!

– Ну конечно, я лучше, глупенький. Я же твоя мама! Давай успокаивайся и спускайся, будем ужинать!

В ванной внизу плещется вода. Анита увлечена купанием куклы. Наверняка это пластмассовое совершенство – отлич-

ная копия натуральной Элизы. Катарина заходит в гостиную, разгребает груду диванных подушек и, отыскав телефон, решительно набирает номер.

– Послушай, Антонио, я понимаю, у тебя новая жизнь... – Она очень старается, чтобы голос звучал уверенно, – ...но, может быть, не стоило пока знакомить детей со всеми ее аспектами?

– Что ты имеешь в виду?

«Ну, как обычно. Играем в непонимание».

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Прости, нет.

– Элизу.

– Ах, ты об этом...

– Да, об этом.

– Мне кажется, это нормально – познакомить детей с женщиной, с которой я живу.

– Нормально. Но, думаю, незачем было так спешить.

– А по-моему, лучше сразу расставить все точки над «i» и не тешить детские головы напрасными иллюзиями!

«О! Как искусно ты дал мне понять, что возвращаться не собираешься. А как же «вернусь к тебе, хоть целый свет придется мне пройти»?»

– Послушай, Антонио, у меня противоположное отношение к таким вещам. Мне кажется, нам стоит обсудить это и договориться о какой-то общей линии поведения, чтобы не травмировать детей. Анита еще мала, но Фред... он стра-

дает.

«И я, Антонио! Я тоже страдаю! Я так соскучилась! Я хочу тебя видеть! Мне просто необходимо посмотреть тебе в глаза, чтобы убедиться, что все это правда, что я не сплю».

– Хорошо, Катарина. Я понял. Обсудим.

– Когда?

– Я не знаю. Когда-нибудь в другой раз.

– В другой раз? – взвывается Катарина. – А чем ты так занят? Плясками на дискотеках со своей красоткой?

«Черт! Черт! Черт! Надо было сдержаться».

– Моей, как ты выразилась, красоте сорок семь. И ходит она не по дискотекам, а по библиотекам и зоопаркам, пишет диссертацию по психологии дельфинов.

– И в холодильнике у нее всегда есть рыба, – неожиданно выпаливает Катарина.

– Представь себе.

Трубка летит в сторону. Катарина хватает фотографию мужа, которая все еще украшает каминную полку, и швыряет на пол. Рамка разлетается вдребезги. Осколок стекла вонзается в ногу. Из пальца брызжет кровь, из глаз – слезы. Катарина ковыляет в ванную. Хромая мимо глянцевого изображения Антонио, она оставляет на его смеющемся лице красные капли и сквозь зубы бросает:

– Лучше бы ты умер!

– ...Жил. Целых семь лет. На Гейтрайдегассе Моцарт родился. А на клавиринах, выставленных здесь, он играл. Заходите! – Соня гостеприимно распахивает тяжелую дверь дома перед парой русских туристов, мнувшихся у входа и ищущих в путеводителе указания, куда им все-таки идти: остаться на правом берегу реки или все же вернуться на левый.

Девушка старается незаметно проскользнуть мимо служащего, показав удостоверение работника турбюро.

– Ходит, ходит, каждый день ходит, – удается ей разобрать недовольное бурчание на немецком.

Он ее приметил и запомнил. Плохо, но что делать? Ходить по музеям не запрещено, а интерес к творчеству зальцбургской легенды у экскурсовода легко объясним. Она повышает свою квалификацию. Похвально? Очень даже. А то, что она монументом стоит у пюпитров в одном-единственном зале, так увальню внизу об этом никто не докладывает.

Начало одиннадцатого. Посетителей в музее практически нет. Соня останавливается в привычном месте. Так на чем она вчера закончила? Ага. Вот. Скрипичный ключ, аллегро, до, си, фа диез... Девушка воровато оглядывается. Она одна в зале. Вокруг не слышно ни шорохов, ни приближающихся голосов. Соня достает из кармана маленький блокнотик, ручку и начинает торопливо переписывать текст партитуры,

добавляя странные, одной ей понятные комментарии: «хвостик у до», «грязь в правом такте», «желтизна начиная с пятой строки». Она так увлекается, что даже ее чуткий слух не улавливает шагов.

– Простите, – робко окликает мужчина из пары русских туристов. Женщина выглядывает из-за его плеча и с интересом смотрит на Сонин блокнот.

– Да? – Соня с невозмутимым видом убирает книжицу в карман.

– Вы не поможете? Не знаете, как пользоваться этой штуковиной? – Ей с улыбкой протягивают аудиогид.

– Нажмите центральную кнопку. Вот эту, – показывает она на острый треугольник, – а дальше слушайте. Вам все расскажут.

– Так просто?

– Автоматика, – усмехается девушка.

– Автоматика, Сонюшка, в нашем деле – враг. – Дядя Леша осторожно забирает у нее калам³². – Посмотри на свои буквы.

– Ой, а где они? – Девочка изумленно переворачивает лист. – А с этой стороны остались. А почему?

– Потомушечки му-му, – щелкает ее по носу дядя Леша. – А потому что ты, егоза, забыла первое правило каллиграфа.

– Ничего я не забыла! Я проверила материал.

³² Тростниковая палочка, которой пишут арабскую вязь.

– Да-а-а?

– Да-а-а, – передразнивает Соня. Она догадывается, что ошиблась, но врожденное упрямство не позволяет сразу признать это.

– Ну и на чем же ты пишешь?

– На какой-то странной бумаге.

Дядя Леша заливается звонким и совсем не обидным смехом.

– Если бумага кажется каллиграфу странной, то...

– То?

– То...

– Ну Леша! – Девочка хлопает мужчину ладошкой по плечу.

– То это не бумага.

– Нет? – расстраивается Соня. – А что?

– Папирус, пергамент, кора.

– Это не одно, не другое и не третье.

– Конечно, нет. Это кожа.

– Кожа?

– Да, вымоченная специальным образом, обработанная, разрезанная на тонкие прямоугольники, но с секретом – писать можно только с одной стороны. Ладно, покажи, что ты пишешь?

– Алиф³³, – Соня протягивает листок. – Ну как?

– Как я тебе и говорил. Автоматика – враг каллиграфа.

³³ Первая буква арабского алфавита, похожая на русскую «а».

Здесь поторопилась, не дождала до конца, тут перевела дыхание.

– Откуда ты видишь?

– Харфы³⁴ пляшут. А почему справа «насах», а слева «рика»?³⁵

– Просто тренирую сразу оба стиля.

– Понятно. Все бы тебе побыстрее. Куртка на полу, ранец в углу, башмаки под попой. Небось еще и не обедала.

– Неа, – довольно соглашается Соня, – зато на столе – полный порядок.

– Аккуратный каллиграф – это хорошо, а вот голодный, Сонюшка, – плохо. Мама придет, ругаться будет, нам обоим достанется. На-ка попробуй, выведи эти слова, только сначала собери вещи, а я пойду суп разогрею.

Девочка хватает новый лист кожи и, стараясь не дышать, начинает наносить каламом справа налево тонкие черные штрихи – аккуратная запятая, хвостик которой летит к верхнему углу страницы, под ней – закорючка, похожая на перевернутую на девяносто градусов прописную русскую «и», чуть ниже – почти прямая вертикальная черта с немного заостренными в разные стороны концами. Соня переводит дыхание и рисует левее жирную пиявку, потом любит работу и читает: «Мама». Смотрит на следующее слово, запоминает: небольшая косая горизонтальная линия, вновь пере-

³⁴ Арабские буквы.

³⁵ Почерки арабского письма, печатный и письменный соответственно.

вернутая «и», тонкая вертикаль, а потом – широкая подкова с обрубленными, будто недописанными вверх загогулинами, и под ней внушительная точка в виде ромба. «Отец», – произносит девочка. «Папа», – говорит она еще раз и улыбается. Это слово нравится ей гораздо больше. Раньше оно было волшебным, сказочным, почти мифическим, а теперь приобрело вполне реальные черты и даже ласковый голос, мягко повторяющий «Сонюшка».

В прихожей щелкает ключ, цокают каблуки. В комнату заглядывает мама:

– Ну, как всегда...

– Здравствуй, мама!

– Здравствуй, горе мое! Опять сидишь?

– Уже всё. Дядь Леш, я закончила.

– Умница! – доносится с кухни. – Мойте руки.

Соня хватает свои листы и, неловко проскользнув мимо матери, бежит демонстрировать свое искусство. Ольга Дмитриевна идет вслед за дочерью, останавливается в проеме двери, смотрит, как две склоненные головы внимательно изучают непонятные каракули и о чем-то перешептываются.

– Соня, ты разве не слышала? Мыть руки! – недовольно говорит она.

– Ща, мам, – Соня отмахивается, как от назойливой мухи.

– Ты только посмотри, – мужчина протягивает Ольге Дмитриевне кожаные прямоугольники, – какая точность, какая красота, какая виртуозность!

Женщина передергивает острыми плечиками, брезгливо косится на письма, чуть склоняет к ним крючковатый нос, с нескрываемым сомнением произносит:

– Да?

Соне кажется, мать похожа на курицу, готовую заклевать ее рисунки.

– Совершенно точно тебе говорю, – восхищенно продолжает дядя Леша.

– Задурил девчонке голову!

– Ну почему задурил, Оль? – вздыхает мужчина. Эти разговоры ему порядком надоели. – Сонюшке всего двенадцать, а она уже столько всего освоила! Вот, – он снимает с подоконника альбом, – китайские иероглифы. Как она их рисует: все слева направо, все сверху вниз, не отрывая кисти – и углы, и простые линии, и ломаные, и с крюками! А посадка, Оля! Ты видела, как она сидит? Сядь, Сонюшка, возьми перо. Ну? Что я говорил? Спина прямая, к стулу не прикасается, живот не опирается на край стола, ступни на полу, колени чуть разведены. Но даже не это главное, Оля. Посмотри еще раз, – мужчина протягивает альбом, – что ты видишь?

– Да ничего я не вижу, кроме мазни! – презрительно отрубает мать.

– Мне тебя жаль, Оля! В этой, как ты выразилась, мазне есть жизнь, Сониная письменность дышит, дышит легко и органично.

– Ах-ах-ах! – театрально всплескивает руками мать. – За-

то я скоро дышать перестану! Что у тебя за цель? Вознамерился сделать ее каллиграфом?

– Почему бы и нет?

– А что хорошего? – Ольга Дмитриевна больно хлопает мужчину кулачком по сутулым лопаткам. – Спина колесом, руки в чернилах!

– Я буду историком, – решительно вставляет Соня.

Мать от неожиданности замолкает. Дядя Леша ласково обнимает девочку, гладит тоненькие косички:

– Вот и прекрасно, Сонюшка. Станешь изучать прошлое, а каллиграфия тебе в этом только поможет. Знаешь, сколько в ней изложено историй? Писать не переписать, читать не перечитать.

– Вас не переспоришь! – сердится Ольга Дмитриевна, а Соня улыбается.

Ей хорошо. Она под защитой. Маму она любит, но побаивается. Не чувствует душевной теплоты, ежеминутной заботы, искренней привязанности. Может, обижается за годы, прожитые в разлуке, а может, просто не привыкла к близости с взрослым человеком. Бабушка была хорошей, но на проявления любви не щедрой. Соня помнила в основном ее испуганные глаза и истерические нотки: «Не трожь – разобьешь», «Не подходи – обожжешься», «Не бегай – упадешь». А однажды...

Однажды, когда ей исполнилось десять, в их жизнь пришел дядя Леша. Однажды улыбнулся девочке, однажды ска-

зал «Сонюшка», однажды вплет в косички разноцветные бантики, однажды повел в цирк и купил настоящего леденцового петушка на палочке. Однажды посадил на плечи, и она целых пятнадцать минут смотрела, как резвился в воде белый медведь, пока остальные дети отталкивали друг друга, чтобы протиснуться поближе к вольеру в зоопарке. Однажды принес ей велосипед. И не какой-нибудь «Школьник», а настоящую, большую, тяжелую «Каму» с низкой рамой, громким звонком и пятью разноцветными блестящими кружочками на колесах. Однажды подарил альбом, чернила и кисти, однажды похвалил, однажды попросил помочь отредактировать текст, однажды спросил совета. Однажды назвал ее дочкой, однажды и она сказала «папа». Однажды утром папа не проснулся...

Через несколько лет мать освоила Интернет, попорхала по сайтам знакомств и, превратившись в миссис Смит, отчалила за океан, взяв с шестнадцатилетней Сони обещание приехать и оставив ей пустую квартиру, в которой, впрочем, сохранилось самое главное: любовь дяди Леши и его каллиграфическое письмо.

Письмо высовывает из почтового ящика свой ядовитый угол. Соня смотрит в оцепенении на железную коробку. Это уже четвертое за два месяца. Девушка щупает пальцами конверт. Так и есть – опять фотография. «Не буду я это брать. Хватит. И без того тошно». Ноги гудят от долгого стояния

в музее, поясницу ломит, голова прошита бемолями, басами, адажио и анданте, душа... душа умерла.

Тело требует лечь и лежать, но Соня кружит по своей мансарде, бездумно перекладывает вещи с места на место, достаёт из холодильника штрудель, ковыряет яблоки, убирает назад. Включает телевизор, без звука щелкает пультом по каналам, не смотря в экран, механически пролистывает журнал, не задерживаясь ни на одной странице. Заходит в ванную, хватая ершик и начинает тереть керамику, стараясь изгнать мысли о белоснежном конверте, коварно поджидающем ее внизу. Умывальник блестит, кожа рук потрескалась, ершик раскололся. Сломалась и Соня: спустилась вниз, достала письмо, распечатала. На фотографии, как обычно, лежащая неподвижно девочка лет десяти. Личико бледненькое, остренький нос, глаза закрыты. Снимок планирует на кафельный пол подъезда, за ним отправляется и листок бумаги. Соня хочет отвести взгляд, но почему-то против воли читает первое предложение письма, написанного крупными буквами. Девушка читает, и в ушах эхом отдается злобный, въедливый, ненавидящий голос:

ЧТО, ЗМЕЯ, ДОБИЛАСЬ СВОЕГО?

– Что, змея, добилаcь своего? – яростно шипит аппарат.

– Нинель Аркадьевна, я же просила вас больше не звонить. – Сониная рука автоматически загораживает трубку, будто защищаясь от ударов.

– А я буду звонить. И ты будешь слушать.

Соня действительно не может найти в себе силы отключить телефон. Эта женщина обладает какой-то магической силой, давит на Соню, выжимает из нее все соки.

– Я ничего не сделала.

– Оставить ребенка без отца – это, по-твоему, ничего не сделать?

– Отца я ни у кого не забирала. Тошка общается с Аней.

– Моего сына, к твоему сведению, зовут Антон, – презрительно и надменно.

– А я называю своего мужа так, как мне нравится, – тихо, но твердо.

– Мужа? Не смей меня!

– Мы вчера расписались, – говорит Соня и зажмуривается.

Трубка зловеще затихает, потом переспрашивает зловещим шепотом:

– Вы вчера что?

– Стали мужем и женой, вот что, – съезживается Соня, но вдруг встряхивается, распрямляется и подливает масла в огонь: – Так что у нас с вами теперь общая фамилия.

– Да я... да у меня, – вибрирует телефон, – да никогда, никогда, слышишь, не будет у меня с тобой ничего общего!

Соня откладывает продолжающую грозно кудахтать трубку, достает из ящика небольшую деревянную коробочку, открывает, кладет перед собой лист бумаги, обводит глазами стол (вроде порядок). Так, выпрямить спину, втянуть живот,

сделать вдох и... две запятые, перевернутая «и», миниатюрная «ш». Надо же, она говорит, как в детстве. Девушка выводит уау, алиф, ба, читает с придыханием, сильно сокращая гортань: «Я люблю». Возвращается к телефону.

– Я люблю вашего сына, – говорит она и кладет трубку.

Соня садится на корточки, подбирает письмо. Надо все же прочесть. Может, там есть что-то новое. Нет, ничего. Все то же самое. Строка к строке. Слово к слову.

ЗАЧЕМ ТЫ ВЛЕЗЛА В НАШУ ЖИЗНЬ?

Единственным, куда Соня влезла, был автомобиль сокурсника. Соня была навеселе, студент тоже не кристально трезв. Соня уснула на пассажирском сиденье, приятель вздремнул за рулем. На ночной остановке женщина ждала трамвая. Соня очнулась в больнице, а женщина не очнулась. Соня мало что помнила, черепно-мозговая травма сделала сознание избирательным, зато закрытый перелом верхней правой конечности позволил ее сокурснику, сыну того самого... «вспомнить», что машину вела девушка.

Два года лишения свободы по двести шестьдесят четвертой статье – очень мягкое наказание. Возможно, постарался «тот самый» папа. Соня этого не знала, да и не хотела знать. Она вообще ничего не хотела. Она не понимала, почему и за что с ней такое происходит. А потом поняла. Стоило оказаться в тюрьме, стоило вступить в конфликт с ее начальником, стоило получить новый срок, стоило, чтобы ей назначи-

ли адвоката. Адвокатом оказался Антон.

Девушка царапает ногтями по требовательным, кричащим буквам.

ТЫ ДОЛЖНА БЫЛА ОСТАВИТЬ ЕГО В ПОКОЕ!

– Оставь меня в покое! Я же просила! – Соня старается сделать гневное выражение лица.

– Неблагодарная! – У Антона печальные, чуть раскосые глаза, пухловатые щеки и темные волосы до плеч.

«Если собрать их в тугой пучок, он станет похож на нарисованных китайцев с обложек моих прописей по каллиграфии», – думает Соня. Он хороший, и добрый, и внимательный, и умный, и ласковый, и женатый.

– Ты хочешь благодарности? – ехидно спрашивает она. – Пойдем отблагодарю, – кивает на подъезд, – а потом ты исчезнешь.

– Соня, зачем ты так? Я же ждал тебя.

– Я не просила!

– Сонь, я дни считал!

– Я тоже! Знаешь, сколько насчитала? Тысяча двести семнадцать суток и еще четыре часа. Понятно тебе? А все из-за таких, как ты!

– При чем тут я?

– Все вы в этой системе «правосудия» одинаковы!

– Давай докажу, что тебя посадили незаслуженно?

– Да ничего я не хочу!

– А я все равно докажу!

Соня улыбается. Тогда даже полосатый галстук Антона показался ей полным решимости. Девушка открывает глаза, перед ней лишь следующее предложение:

ЕСЛИ БЫ НЕ ТЫ, НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ БЫ!

– Ничего страшного не случилось, мама! – Антон говорит тихо, загораживая рукой мобильный, но на другом конце провода бушуют гром и молния.

– Я не понимаю, ты собираешься возвращаться или нет? – Соня слышит эти слова и вспыхивает.

– Нет, мама! Я люблю другую женщину. Давай я тебя с ней познакомлю. – Тошка ласково прижимает ее к себе.

– Даже не думай. – Короткое пиликанье разрывает Соне сердце, подбородок дрожит.

– Ну, не плачь, Сонюшка. Пожалуйста! – От одного-единственного «Сонюшка» у девушки высыхают слезы. Антон дует ей на реснички. – Все образуется.

Ничего не образовывается. Нинель Аркадьевна трезвонит по несколько раз на дню. Угрожает, истерит, требует, призывает, умоляет. Антон тверд и непоколебим. Она переключается на Соню: оскорбляет, унижает, обижает, насмехается, а однажды переходит границы.

– Бессовестная пьяница, угробившая человека!

– Разве вы не знаете? Антон доказал мою невиновность.

– Стервы, уводящие мужей из семьи, невиновными не бывают!

– Это его решение. И вы снова забыли – Антон мой муж.

– Мой мальчик должен жить со своим ребенком!

– Когда-нибудь я рожу, и он будет жить вместе с ребенком.

А с Аней он прекрасно общается. Разве вы не хотите внука, Нинель Аркадьевна?

– У меня только одна внучка – Анечка. А твои выродки мне не нужны!

– Вы-род-ки? – Соня мертвеет и вешает трубку.

– Вы-род-ки? – спрашивает она вечером у Антона.

Соня не знала, что сказал или сделал муж, но голос его матери с тех пор она слышала только раз. Теперь он снова изрыгает яд с белых листов бумаги. Особо не изощряется. Четвертый раз – фотография и семь одинаковых предложений. Жуткое окончание писем Соня выучила наизусть. Последние три фразы и привели ее в объятия Моцарта.

*ИЗ-ЗА ТЕБЯ АНЯ ПРИКОВАНА К ПОСТЕЛИ –
ПАРАЛИЧ НА НЕРВНОЙ ПОЧВЕ! СДЕЛАЙ ЧТО-
НИБУДЬ, ПОДНИМИ ЕЕ! ПРИШЛО ВРЕМЯ
ПЕРЕМЕН!*

Незачем столько писать. Соня сдалась уже после второго послания. Перемены уже начались.

Осадки прекратились так же неожиданно, как наступили. Повадки погоды напоминали Лоле первую терцию³⁶. Масса людей, пытающихся бороться со стихией, походила на рассерженного могучего быка. Снег выставлял капоте³⁷ – то желтый с солнечными просветами, то глухой иссиня-черный. Начинал с Вероники³⁸

³⁶ Начальный этап корриды.

³⁷ Большой прорезиненный плащ, розовый с одной стороны и желтый либо синий – с другой.

³⁸ Фигура боя с капоте. Название пошло от образа Вероники, держащей в руках плащаницу. Тореро, держа капоте двумя руками, заставляет быка атаковать, выставя вперед плащ и отводя назад ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.